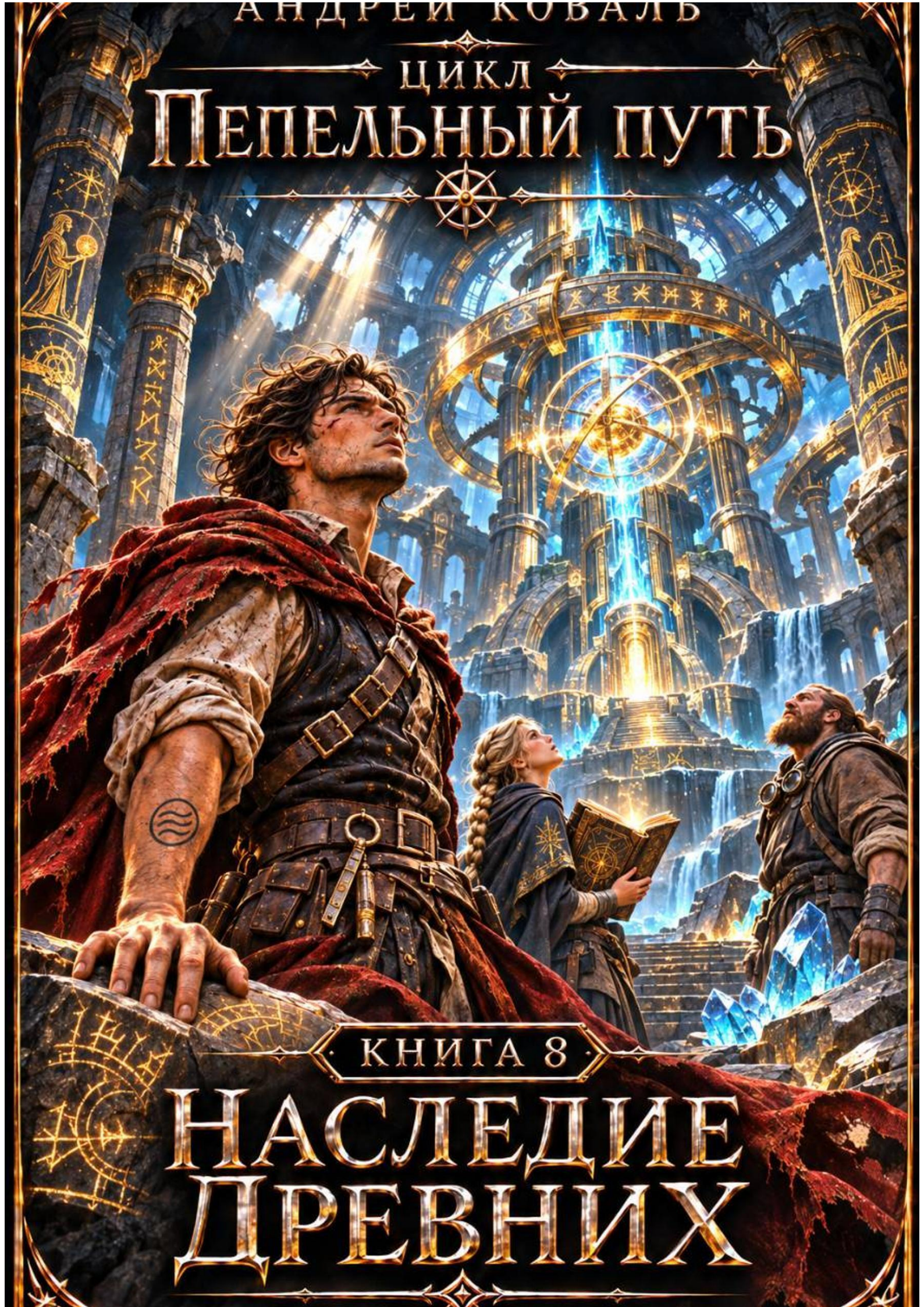

Андрей Коваль
Цикл
Пепельный путь
Книга 8
Наследие Древних

Андрей Коваль

Пепельный путь. Книга 8: Наследие древних

«Автор»
2026

Коваль А.

Пепельный путь. Книга 8: Наследие древних / А. Коваль — «Автор», 2026

Пятнадцать тысяч лет Древние удерживали за гранью реальности силу, перед которой бессильны даже боги. Теперь преграда рушится.Пока Айрин возрождает Ингрию, Азур собирает армию, а Мираэль стремится вернуть утраченную власть, из Запретных земель наступает Пустота, стирающая не только жизнь, но и память о ней.Лексу, которому вскоре предстоит стать отцом, необходимо раскрыть тайны исчезнувшей цивилизации. В наследии Древних скрывается надежда на спасение Айроса, но вместе с ней — искушение обрести власть, превосходящую божественную.Когда-то он сражался за свободу. Теперь он сражается за то, чтобы у этого мира было завтра.

© Коваль А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Глаз бездны 5
Акт I: Возрождение Ингрии 11
Глава 1. Хрупкий мир 11
Глава 2. Тени на севере 18
Глава 3. Тайная сделка 26
Глава 4. Назревающий бунт 33
Глава 5. Ночь восстания 38
Глава 6. Кузницы не спят 45
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Пепельный путь. Книга 8: Наследие древних

Пролог: Глаз бездны

Месяц Келемвар, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Глубокая ночь
Глубинная Бездна, Запретные земли

Со дня падения Нергал прошло несколько недель. Лекс по своей воле отправился в небесные чертоги и с помощью друзей добрался до ядра богини тьмы. Когда он разбил его, Нергал погрузилась в долгий сон. После битвы на Равнинах, где армии баронов сошлись с объединёнными силами людей, дворфов, орков, гоблинов и эльфов дома Силь'Верен, мир выдохнул.

Но, как оказалось, слишком рано. То, что десятки тысячелетий стремилось проникнуть в этот мир, наконец начало прорываться сквозь преграду.

Глубинная Бездна таилась в Запретных землях. Никто из разумных здесь не селился. Даже без прочих опасностей само это место угнетало. Бездна уходила ниже всех известных уровней, ниже дворфийских шахт, ниже гоблинских нор, ниже даже тех глубин, куда спускались Архитекторы Древних в свои последние дни.

Здесь никогда не было света.

Здесь никогда не было звука.

Здесь никогда не было жизни.

До этой ночи.

Тьма в Бездне была плотной, осязаемой, как замёрзшая смола. Она давила на камень, на саму ткань реальности. В каждой трещине стояла тишина старше звёзд.

И в этой тьме стоял обелиск.

Обелиск был настолько чёрным, что даже тьма вокруг казалась серой: его грани не отразили бы ни единого луча. Он был создан не из камня, металла или эфира, а из самой идеи запрета. Изначальные, прародители всех рас, выковали его в последние дни Войны Мнений,

когда их цивилизация уже пожирала себя. Они назвали его «Выключателем» — последним, отчаянным доводом против того, что пришло из Пустоты.

Пятнадцать тысяч лет обелиск стоял нетронутым, сдерживая то, что находилось по ту сторону реальности. За всё это время его поверхность оставалась гладкой, как тщательно отполированный камень.

И вот теперь по ней пробежала трещина.

Грохота не раздалось. Земля не дрогнула. Не было и вспышки. Трещина была тонкой, как волос, но её оказалось достаточно, чтобы нарушить преграду.

Из трещины не хлынули ни свет, ни тьма — тьма была здесь всегда. Не выползли чудовища. Из неё хлынуло нечто, отрицающее само существование. Нечто страшнее любой тьмы. Оно пришло за тишиной. За смертью. Это было само небытие, обретшее голод.

И впервые за пятнадцать тысяч лет Бездна наполнилась звуком.

Смертный, окажись он в ту минуту в Бездне, ничего бы не услышал. Вибрация прошла сквозь камень, эфир и само время, заставляя реальность дрожать, как натянутую струну. На её пути на стенах пещер проступали трещины, а в глубинах земли просыпались твари, не знавшие света тысячелетиями.

В этой вибрации был смысл, хотя Пожиратель не говорил на языках смертных. Каждый воспринимал его зов по-своему.

Для одних он звучал как приказ, не терпящий никаких возражений. Для других — как обещание, от которого невозможно отказаться. Для третьих — как запах, как боль, как холод, как тишина. Но для всех он значил одно:

«Наконец-то… снова…»

А далеко за пределами Айроса, его солнечной системы и известных звёздных карт на мгновение погасли звёзды. Архитекторы на мёртвых станциях, дрейфующих в пустоте между галактиками, зафиксировали всплеск — и замолчали навсегда.

В тысяче лиг к северу от обелиска, в самом сердце Запретных земель, стояла почти разрушенная Чёрная цитадель. Когда-то это был храм Древних — место, где они поклонялись не богам, а самому знанию. Теперь от храма остался лишь остов: колонны чёрного обсидиана, оплетённые венами застывшей Пустоты, покосившиеся арки, уходящие в никуда, и Зал Вечной Ночи — огромное помещение без стен, где пол был зеркальной гладью, не отражающей ничего.

В этом зале стояли семеро.

Они не пришли сюда откуда-то издалека — они были здесь всегда, погружённые в анабиоз, похожий на смерть, но не бывший ею. Они ждали. Пятнадцать тысяч лет они ждали, пока их сны наполнялись голодом, а их тела — пустотой.

Теперь же они открыли глаза — и каждый услышал Голос по-своему.

Верховный Лич Архон услышал холодный, точный, как формула заклинания, приказ. За тысячелетия даже пыль не осела на его сером балахоне, расшитом серебром. Два голубых огонька зажглись в провалах капюшона. Ему не требовалось дышать: он неподвижно смотрел на проекцию обелиска, пульсирующую в центре зала. Трещина на проекции расширялась, и Архон чувствовал, как сила, дремавшая в нём пятнадцать тысячелетий, возвращается к нему.

— Оно зовёт, оно вернулось, — прошелестел он. В его голосе слышался скрежет, словно кость тёрлась о кость. — Пора.

Мор'Тал, Теневой Клинок, услышал боевой клич, от которого в нём вскипела жажда битвы. Его тело — сгусток тьмы, пронизанный багровыми жилами, — всколыхнулось. Он нетерпеливо стиснул когтистые пальцы. В воздухе остался багровый след и тут же начал таять.

— Долго, очень долго, — прорычал он, и в голосе его скрежетало железо. — Слишком долго. Я жажду кровавой охоты.

— Будет тебе охота, — ответил Архон. — И крови вволю.

Ледяная Королева Силь'Ара услышала обещание. Не слова — ощущение боли, такой чистой, такой глубокой, что её пустые белые глаза на мгновение вспыхнули наслаждением. Её кожа была белее снега, а губы кривились в улыбке, от которой кровь стыла в жилах. Она провела пальцем по короне из острых ледяных осколков — в каждом застыл чей-то крик.

— Я чувствую жизнь, — прошептала она голосом, похожим на колыбельную для умирающих. — Так много жизни. Так много боли, которую ещё никто не собрал. Я хочу её всю.

— Ты получишь свою долю, — пообещал Архон.

Морбус, Гниющий Лорд, не услышал зова — он *учуял* его. Гниль, разложение, плесень — ароматы, которые были для него слаще любых благовоний. Его тело, гора разлагающейся плоти, оплывало у колонны. Там, где он стоял, камень покрывался плесенью, а воздух наполнялся тошнотворным запахом тления.

— Я слышал, — прохрипел он. — Я слышал всё. Мир всё ещё жив. Всё ещё цветёт. Всё ещё… гниёт — и всё это без меня.

Мать Скорби не услышала — она *почувствовала*. Голос Пожирателя прошёл сквозь неё волной: десятки ртов застонали разом, десятки глаз налились чёрными слезами. Из её бесформенного тела выпали новые демоны боли — крошечные твари с жалами, которые тут же разбежались в стороны. Она не обладала разумом — лишь инстинктом улья и голодом, требовавшим утоления.

Жнец Душ не услышал ничего — он увидел. Перед его внутренним взором промелькнули миллионы душ, которые ему предстояло собрать. Его гигантский скелет в рваном плаще остался неподвижным, а коса из тёмного заражённого эфира пульсировала в такт далёкому, нечеловеческому сердцебиению. Он ждал с терпением жнеца, уверенного, что урожай созреет и достанется ему.

И только Нулл, Безмолвный Странник, никак не отозвался на Голос: он сам был тишиной. Под его чёрным балахоном не было ничего — только пустота, принявшая форму человека. Он никогда не говорил. Его мысли не читались. Его выдавали лишь холод, расползавшийся во все стороны, и тишина, в которой глохли последние звуки.

Архон поднял руку — все замолчали. Даже стоны Матери Скорби стихли.

Проекция Трещины в центре зала запульсировала ярче. Голос Пожирателя снова наполнил зал — и снова каждый воспринял его по-своему. Но смысл был един для всех:

«Трещина расширяется. Барьер слабеет. Скоро я смогу выйти полностью. Но есть одна помеха. Наследник. Человек. Лекс. Он может восстановить барьер. Этого нельзя допустить».

Архон склонил голову. В провалах капюшона едва заметно мерцали два голубых огонька.

— Я предвидел это. Мы нанесём удар немедленно, прежде чем Наследник успеет восстановить барьер.

Мор'Тал оскалился, обнажая клыки из чистой тьмы:

— Дай мне легионы. Я прорвусь к его логову и принесу тебе его голову.

Силь'Ара холодно улыбнулась:

— Ты уже пробовал, Теневой Клинок. В прошлой войне. И отступил.

Мор'Тал развернулся к ней, его тень всколыхнулась:

— Я не отступал. Я перегруппировался.

— Тихо, — произнёс Архон. Оба замолчали. — Споры бессмысленны. Наследник не будет ждать. Он сам пойдёт к Трещине. Наша задача — не дать ему дойти.

Он простёр руку, и над проекцией Трещины развернулась подробная голографическая карта континента, украденная из архивов Древних тысячи лет назад.

— Мор'Тал поведёт авангард. Гончие Пустоты, Глубокие Тени, Ткачи. Ты ударишь первым, когда они выйдут из своей норы.

— Силь'Ара и Морбус зайдут с флангов. Вы отрежете им путь к отступлению. Заморозьте землю, отравите воздух, превратите камни в гниль.

— Мать Скорби и Жнец Душ ударят в центре, когда они будут наиболее ослаблены. Пусть их воины увидят, как их товарищи корчатся от боли и как их души вырываются из тел.

— Нулл…

Архон посмотрел на безмолвную фигуру.

— Ты будешь ждать. Твоя цель — сам Наследник. Не атакуй, пока он не останется один. Ударь тогда, когда он меньше всего ждёт. Ты — наша главная надежда.

Нулл не ответил. Только холод вокруг него стал чуть сильнее.

— А я, — закончил Архон, — буду руководить из цитадели и собирать сведения. За те годы, что мы ждали, мир наверняка изменился. А если понадобится, выйду лично. Наследник, скорее всего, силён. Иначе господин не опасался бы его. Но он всё ещё смертен. И он всё ещё человек. А люди… люди, к счастью, умирают.

Морбус булькнул, будто засмеялся.

— А что насчёт городов? Они же есть? Мы можем выжечь их прямо сейчас. Я чувствую скопление жизни — там столько жизни, столько плоти, готовой гнить…

— Города не важны, — перебил Голос Пожирателя. Морбус осёкся. — Важен Наследник. Когда он умрёт, миры падут. Все миры. Не только этот. Терпение.

Архон кивнул:

— Выступаем на рассвете.

Они расходились молча: им нечего было обсуждать друг с другом. Каждый в свою тьму, в свой холод, в свою пустоту. Последним остался Архон. Он стоял перед проекцией обелиска и смотрел, как расширяется трещина. В глубине капюшона мерцали голубые огоньки — последнее напоминание о маге, которым он был пятнадцать тысяч лет назад.

Он помнил всё: как первым из Древних, несмотря на запрет, начал изучать Пустоту; как вместе с единомышленниками открыл в неё портал. Помнил, как коллеги называли его безумцем. И как они оказались правы — только это уже не имело значения, когда Пустота заговорила с ним.

Теперь он служил только ей, не из страха и не ради награды, а по убеждению. Жизнь была ошибкой, бытие — болезнью, а всё живое — бессмысленной искрой, обречённой угаснуть. Пустота давала ответ, обещала тишину и покой. Конец всему.

— Пятнадцать тысяч лет, — прошептал он. — Пятнадцать тысяч лет я ждал этого момента. И теперь какой-то инженер из другого мира смеет вставать на нашем пути.

Он сжал посох. Кристалл на его навершии вспыхнул чёрным пламенем.

— Ничего. Он умрёт. Они все умрут. И тогда наступит абсолютная тишина.

В ту же ночь, за тысячу лиг к югу, на затерянной в горах базе Лекса произошло нечто странное. Прокатилась волна, погасившая и магические огни, и пламя обычных свечей.

В главном полуразрушенном храме Стального Шпиля тоже погасли все свечи. Верховный жрец Нергал, чудом выживший и читавший ночную молитву, захрипел и рухнул на алтарь. Из его рта хлынула кровь. Смерть всё же настигла его.

В кузнице Кор-Дума на базе Лекса горн, горевший даже ночью, вдруг погас. Металл, который старый дворф держал в щипцах, мгновенно остыл и потускнел.

В Механосе магические светильники на главной площади замигали и погасли, погрузив город во тьму. В таверне «Пьяный гоблин» старый Зиг, торговавшийся с клиентом, вдруг осёкся и уставился в потолок, чувствуя, как по спине бежит холодок.

В небесной кузнице, на орбитальной станции Древних, Кователь уронил молот. Тот ударился о наковальню, и звон разнёсся по пустым залам. Бог-кузнец, покровитель ремесла и тайный защитник людей, застыл, глядя в глубины мироздания. Его лицо, обычно суровое, исказилось от сильной боли. Он опустился на одно колено — впервые за всю свою вечную жизнь — и закрыл лицо рукой.

— Прости, Наследник, — прошептал он. — Мы думали, у тебя есть ещё время. Мы жестоко ошибались.

Лирна, богиня жизни, тоже почувствовала неладное. Она появилась рядом и опустила голову. Из её глаз текли слёзы — нет, не вода, а чистый свет, который, падая на пол кузницы, заставлял камень цвести крошечными белыми цветами.

— Мы должны — нет, мы обязаны им помочь, — произнесла она.

— Да, мы поможем. — Кователь поднялся. — Но будет ли этого достаточно?

Лекс проснулся от пронизывающего холода.

Не от зимнего ветра или метели в горах. Холод шёл от цепочки на его шее, той самой, которую он носил с первого дня, когда очнулся на Кристаллических полях, и с тех пор снимал лишь пару раз. Её холод предупреждал об опасности — и не раз спасал ему жизнь.

На этот раз цепочка обжигала кожу холодом, и терпеть это было почти невозможно.

Он открыл глаза. Темно. Кристалл, который освещал их комнату, почему-то погас. Рядом спала Айрин. По её ровному, спокойному дыханию Лекс понял, что холода она не чувствует.

Он встал — осторожно, чтобы не разбудить её, — подошёл к бойнице.

Над горами висели всё те же звёзды. Те же две луны — золотая и серебряная — светили ярко, как и всегда. В небе ничего не изменилось. А внизу, на земле, словно что-то переменилось.

Он активировал эфирное зрение — и замер от увиденного.

Лей-линии дрожали, как струны, по которым ударили невидимым молотом. Во всём доступном его зрению пространстве расходились волны, и направление колебаний указывало на север. За всё время на Айросе Лекс ничего подобного не видел. Там, за горами, за перевалами, в направлении Запретных земель, он различил невозможное.

Дыру в самой реальности, которая медленно расширялась. Лексу чудилось, что она смотрит на него.

И тогда в сознании на долю секунды вспыхнул образ: Кователь, бог-кузнец, покровитель ремесла, стоит на коленях в своей небесной кузнице. Его молот лежит на полу. Его лицо — лицо бессмертного — искажено болью. Он шепчет, и его шёпот проходит сквозь пространство, сквозь эфир, сквозь саму ткань реальности:

«Прости, Наследник. Мы думали, у тебя есть время. Мы ошибались».

Лекс вздрогнул. Образ исчез; от нараставшей боли в виске пришлось отключить эфирное зрение, а цепочка на шее стала ещё холоднее. Он подложил под земную цепочку лоскут ткани, но холод всё равно проникал сквозь него.

Он попытался понять, что связывает увиденное с гибелью Древних. Кователь явно знал об этой угрозе и надеялся, что она проявится позднее. Неужели именно ради этого Лекс оказался на Айросе, а освобождение угнетённых и война с богами были лишь началом?

— Что-то идёт, — прошептал он.

Айрин проснулась. Он не слышал, как она встала, — только почувствовал её тёплую руку на своём плече.

— Лекс? Что случилось?

Он обернулся. В лунном свете её лицо было бледным, но спокойным. Под простой рубахой уже выделялся округлившийся живот. Лекс любил её, и сейчас она казалась ему особенно прекрасной.

Он взял её за руку. Цепочка на его шее холодела всё сильнее.

— Не знаю наверняка, — сказал он. — Там, на севере, что-то происходит с лей-линиями. А Кователь, похоже, давно ждал этого. Боюсь, речь о том же, с чем когда-то столкнулись Древние.

Айрин сжала его пальцы и, немного помолчав, спросила:

— Сколько у нас есть времени?

— Не знаю. Может, год. Может, несколько месяцев. А может, и дни.

— Тогда не будем терять ни минуты.

Он перевёл взгляд на её живот. Рядом с Айрин ему не нужно было скрывать собственный страх.

— Знаешь, я боюсь. Так, как ещё никогда не боялся, — сказал он.

Такого он ещё никому не говорил. Даже самому себе.

— Я тоже, — ответила она. — Но мы справимся. Мы всегда справлялись.

Он не знал, что в этот самый миг, в тысяче лиг к северу, в Чёрной цитадели, семеро Архитекторов Пустоты уже делили весь мир между собой, чтобы собрать последний урожай. И обратить его в небытие.

Он не знал, что на рассвете их легионы уже выступят на юг.

Он не знал, что боги, прежде выступавшие против него, уже объявили его врагом.

Он знал только, что цепочка на шее холодеет, что где-то далеко, за горами, за перевалами, за гранью реальности, открылось нечто похожее на глаз — и этот глаз смотрел только на него.

Пожиратель проснулся.

И мир ещё не понимал, что это значит и к чему приведёт.

Акт I: Возрождение Ингрии

Глава 1. Хрупкий мир

Месяц Келемвар, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Раннее утро
База Лекса в Красных горах — главный зал

Свет и даже огонь не желают просыпаться.

Так говорила старая Агафья, когда кристаллы-светильники начинали барахлить, а костры — затухать по неизвестной причине. «Свет и огонь, наверное, очень устали», — ворчала она, подкручивая расшатавшееся крепление или подсыпая в гнездо светильника свежей толчёной эфирной пыли. Но сегодня даже это не помогало. Одни кристаллы в главном зале вовсе не горели, другие светились вполнакала, едва разгоняя тени по углам. В их болезненном желтовато-синем свете лица людей казались выцветшими, измождёнными, будто сама жизнь понемногу вытекала из них.

Агафья стояла на коленях перед очагом, на котором каждое утро готовила еду для дозорных и тех, кто из-за работы не успевал приготовить себе завтрак. Перед ней лежали кресало, трут и горка сухих щепок — всё, что нужно, чтобы развести огонь. Она чиркала кресалом уже в шестой раз. Искры сыпались, попадали на трут, но тот лишь дымил, не желая загораться.

— Да что ж ты… — прошептала старуха, поднося трут поближе ко рту и тихонько дуя. — Ну давай же, родимый. Давай.

Трут замерцал оранжевым, по нему пробежала тонкая алая полоска — и снова погасла. Агафья выругалась сквозь зубы, помянула Кователя, духов очага и того неизвестного, кто отвечал за невезение, и снова ударила кресалом. На этот раз то ли искра упала удачнее, то ли Ковatель смиловался над ней. Над кучкой сухого мха затрепетал робкий огонёк. Боясь спугнуть его дыханием, старуха осторожно подложила щепку. Пламя лизнуло дерево и с тихим треском разгорелось.

— Вот так-то, — выдохнула она, приседая на корточки и вытирая лоб тыльной стороной ладони. — А то «свет спит». Свет не спит. Свет боится. Тфу на это всё.

Лада, тоненькая девочка с вечно серьёзным лицом, расставляла на длинном столе глиняные миски с привычной аккуратностью. Агафья видела, что девочка не забыла ни одной мелочи: ложки положила слева, хлебные лепёшки — справа. Клыку досталась миска с отбитым краем, а Кор-Думу — хлеб на салфетке, как он любил. Обычно за кашей Шило успевал сказать Ладе что-нибудь смешное, но сегодня его ещё не было, и девочка то и дело поглядывала на вход.

Но в это утро всё уже было по-другому.

Даже Барс, мохнатый друг Лады, созданный магами, но выбравший свободу, сегодня не спал. Он лежал у очага, положив огромную голову на лапы, и водил ушами — туда-сюда, туда-сюда, — ловя какие-то звуки, недоступные человеческому слуху. Агафья не раз видела, как он настораживался при появлении хищника.

— Бабушка Агафья, — тихо спросила Лада, — а почему все сегодня такие… странные?

Старуха выпрямилась и, потирая поясницу, посмотрела на девочку. Та стояла с миской в руках; в её больших серых глазах застыл вопрос, на который Агафья не знала ответа.

— А ты сама не чувствуешь?

Лада замерла, глядя на огонь. Пламя в очаге вздрагивало, хотя воздух в глубине горы стоял неподвижно. За окнами сияло ясное летнее утро. Девочка тревожно прислушивалась.

— Вроде чувствую, — призналась она. — Как перед грозой. Только грозы нет.

— Вот именно.

Агафья могла бы рассказать ей, что сама сегодня проснулась от холода, хотя огонь в очаге ещё горел. Слышала, как Кор-Дум ругался у погасшего горна: сколько ни раздувал, всё без толку. До зимы ещё далеко, а на базе уже выстыло. Старые люди, подобно старым зверям, чуют беду загодя.

Но она не стала пугать девочку.

— Неси миски, малая, — сказала она, погладив Ладу по голове. — Людей надо кормить. Остальное — как Кователь рассудит.

Лада кивнула и продолжила расставлять миски на столе.

Лекс стоял у бойницы и смотрел на горы и небо над ними.

С тех пор как он проснулся от обжигающего холода, Лекс больше не ложился. Увиденное несколько часов назад — провал на севере, дрожащие лей-линии, Кователь на коленях в небесной кузнице — не давало уснуть.

Он сжимал цепочку на шее. Маленькую, тонкую, почти невесомую — и всё же она была тяжелее любого груза, который ему приходилось таскать. Она уже не обжигала холодом, как ночью, но всё ещё немного холодила кожу. Лекс прижимал её к груди, пытаясь согреть, но тепло его тела не помогало. Холод шёл изнутри самой цепочки.

За спиной, на лежанке, застеленной грубым шерстяным одеялом, спала Айрин. Лекс всё-таки уговорил её ещё поспать. Даром Наследника Айрин не обладала и не могла видеть того, что мучило Лекса. Для него она прежде всего была женщиной, которую он любил больше всего на свете, и будущей матерью его ребёнка.

Он обернулся. В предрассветном свете, падавшем из бойницы, лицо Айрин казалось особенно спокойным и прекрасным. Под одеялом округлившийся живот был едва заметен, но, обнимая Айрин, Лекс уже чувствовал перемену. Он до сих пор не привык к мысли, что скоро станет отцом.

Он осторожно подтянул одеяло к её плечу. Айрин, не открывая глаз, поймала его за запястье.

— Ты ведь опять не завтракал? — спросила она сонно.

— Ещё рано.

— Для тебя всегда рано, пока есть что чинить. На столе лепёшка. Съешь хотя бы половину, прежде чем собирать Совет.

— А вторую половину?

— Мне оставь. Потом попрошу Агафью проверить лекарства в лазарете. Пока все заняты оружием, кто-то должен помнить и о перевязках.

Лекс хотел возразить, но пальцы Айрин уже разжались, и дыхание снова стало ровным. Он отломил кусок лепёшки, съел его и ещё немного постоял рядом, прежде чем вернуться к делам.

В коридоре послышались тяжёлые, уверенные шаги. Так ходил только Кор-Дум.

— Не спишь, — заметил Кор-Дум с порога.

— Смотрю, и ты не спишь, друг.

— Я старый, мне положено мало спать. А ты молодой ещё. Тебе силы нужны, парень. Много сил. — Дворф ненадолго задумался. — Ты вообще-то ложился?

— Да.

Кор-Дум хмыкнул и вошёл в комнату. Он двигался осторожно, опасаясь разбудить Айрин. Лекс помнил, как долго Айрин не спала во время предыдущего сражения; Кор-Дум тоже был там. Левая рука дворфа висела на перевязи: стрела прошила плечо и сломала ключицу. Но дворф держался прямо, как всегда, с достоинством мастера, а в глазах, окружённых сеткой морщин, горел всё тот же упрямый огонь.

— Горн погас, — сказал он. — Взял да погас, представляешь? Посреди работы. Молотом мне по печени, чтоб мне век пива не пить. Я больше ста лет кую в кузне, парень. Горны не гаснут просто так. Всегда ведь какая-то причина есть. За углём не досмотрели, и он кончился, или тяга упала, или ещё что. А я не первый раз молотом стучу по наковальне, не мог я так ошибиться, недоглядеть за горном. А тут вон как — просто взял и погас. Я такого не видел никогда.

— Знаю, — ответил Лекс. — Я видел кое-что похуже.

— Знаешь ты больше, чем говоришь. — Кор-Дум сказал это так, будто и не ждал ответа.

— Да, ты прав.

Кор-Дум прошёл к бойнице и встал рядом, глядя на горы. Некоторое время они оба молчали, каждый задумавшись о своём.

— Мать у меня была, Бригитта, — заговорил дворф. — Из клана Глубинных Странников. Те, которые глубже всех в Бездну лазают, туда, куда даже мы, Стальной Молот, не суёмся. У них там свои легенды, свои сказки. И вот она рассказывала мне одну. Про глубинное зло, которое они называли Пожирателем. Будто глубоко-глубоко, ниже всех шахт, ниже всех нор, ниже всего, что мы знаем, сидит в темноте такое… нечто. Не зверь, не дух, не бог — что-то другое. И ждёт. И когда мир становится слишком шумным, слишком живым, оно просыпается и приходит за тишиной. Не за смертью — за тишиной.

Он замолчал. Лекс ждал.

— Я, дурак, смеялся. Говорил: «Мам, ну какой такой бабайка может там сидеть? Это ж сказка, чтобы дети в глубокие шахты не лазили и не терялись». А она смотрела на меня и молчала. Вот как ты сейчас. И я только теперь понял, что это был за взгляд. Она не сердилась. Она сильно боялась.

Кор-Дум повернулся к Лексу.

— У тебя сейчас в глазах тот же страх, что у неё. Страшно тебе, парень, да?

— Да.

Дворф тяжело выдохнул. Лексу показалось, что Кор-Дум давно ждал этого ответа.

— Я надеялся, что ошибся.

— И я, — признался Лекс. — Не знаю, связано ли это с твоей легендой, но чувствую, что дело серьёзное.

Совет собрали быстро. Лекс не хотел откладывать разговор: если на севере действительно пробудилось то, чего боялись Древние, времени на подготовку могло оставаться совсем мало.

Они собрались в командном центре — небольшой комнате, примыкавшей к главному залу. Стены здесь были, как и положено, увешаны картами, испещрёнными пометками и стрелками. На столе, грубо сколоченном из досок, лежали кристаллы-связки, пара рабочих чертежей и один из первых прототипов глушителя — Лекс так и не убрал его после вчерашних испытаний. Здесь пахло металлом, оружейным маслом и чем-то ещё — тем самым запахом, который появляется в помещениях, где люди проводят слишком много времени, готовясь к войне.

Кор-Дум вошёл в командный центр следом за Лексом. За ним появился Грым с Писком на плече. Писк тихо жужжал, сканируя помещение и поворачивая линзу.

— Пап. — Грым кивнул, усаживаясь рядом с Кор-Думом. — Я проверил силовые кабели. Эфирный фон в норме, накопители заряжены. Но Писк… — Он покосился на дроида. — Писк сам не свой. С утра сканирует всё подряд, как будто ждёт нападения.

— Писк — умная железка, — проворчал Кор-Дум. — Если он нервничает, значит, есть причина. Железо не обманешь.

Писк вдруг дважды щёлкнул реле. Его внутренние часы показывали, что ночная тревога длилась почти на полчаса дольше, чем значилось в караульном журнале. Грым проверил питание, потом сверил отметки двух постов — и они не вполне совпадали. Сами часовые уверяли, что ни одной смены не пропустили и ночь прошла как обычно. Лекс вспомнил дрожащие лей-линии и велел сохранить записи. Пока было непонятно, ошиблись ли часы или изменилось само течение времени.

Следом явился Клык. Глава сталкеров был одет в свою бессменную потёртую куртку с множеством карманов, которую он ни за что не желал менять. В каждом из них лежало что-то полезное — от запасных кристаллов до метательных ножей. Он двигался бесшумно, привычно осматривая помещение: сказывались годы ходок в руины. За ним, чуть прихрамывая, шёл Шило, на этот раз не проронивший ни одной шутки. Лекс сразу заметил это.

Серафима вошла в своём обычном одеянии — простом сером платье, подпоясанном верёвкой. На груди мерцал амулет Бога-Механизма — золотая шестерёнка, внутри которой пульсировал мягкий свет. Сегодня этот свет был ярче обычного. Даже сама Серафима выглядела так, словно не спала всю ночь. Она молча заняла своё место за столом, сложила руки на коленях, но пальцы то и дело сжимались в кулаки, выдавая напряжение.

Грук, вождь орков, явился одним из последних. Он пригнулся, проходя в дверь — рама была слишком низка для его роста, — и занял место в углу, сложив руки на груди. От него пахло степью, сухой травой и потом. Его воины остались в главном зале — ждать. Лекс привык, что на таких собраниях Грук стоит: за столом он занял бы слишком много места.

Эрвин, старый ингриец, пришёл, опираясь на посох. Его лицо, иссечённое морщинами, было спокойным, но глаза — светлые, выцветшие с возрастом — смотрели всё ещё остро и цепко. Он сел рядом с Серафимой и приставил посох к столу. Лаэрон, эльфийский союзник из дома Силь’Верен, встал у двери — молчаливый, собранный, как и всегда. Через него эльфы держали связь с людьми. На совет пришла и мать Иллария — верховная жрица Лирны и недавняя союзница из Механоса. Она привела многих людей, чья помощь была сейчас необходима.

И наконец зашла Айрин.

На ней было простое платье, поверх него — лёгкий доспех, не столько для собственной защиты, сколько для того, чтобы уберечь того, кто рос под её сердцем. Живот под платьем уже округлился: шёл по меньшей мере пятый месяц беременности. Агафья и Серафима полагали, что будет мальчик. Айрин по-королевски прямо держала спину.

Она встала рядом с Лексом и положила руку ему на плечо.

Лекс обвёл взглядом собравшихся. Его команда, его семья. С одними он делил хлеб ещё тогда, когда о свободе оставалось только мечтать, с другими пережил недавнюю войну. Здесь

были и Эрвин, хранитель памяти Ингрии, и Лаэрон, сумевший склонить свой род на сторону людей. Теперь ему предстояло объяснить всем этим людям, почему после победы снова придётся браться за оружие.

— Этой ночью я увидел на севере нечто, чего прежде не встречал, — начал он. — Кор-Дум рассказал мне одну старую легенду. И если в той легенде речь о том, что я видел ночью, у нас нет времени ждать.

Лекс рассказал без спешки, но и без лишних подробностей: как проснулся от холода, как цепочка обожгла кожу и как с помощью эфирного зрения увидел дрожащие лей-линии и дыру в реальности на севере. И Кователя он видел, всего на мгновение. Тот стоял на коленях в небесной кузнице, лицо у него перекосилось от боли. Лекс передал собравшимся слова, которые тогда услышал.

— Похоже, возмущение идёт с севера, издалека, — сказал он. — Может быть, из Запретных земель. А уж что там произошло и где ещё это почувствовали, я вам пока не скажу.

В зале повисла тяжёлая тишина; даже Писк перестал жужжать.

— Кто же это? — тихо произнёс Кор-Дум.

— Не знаю. Ты говорил о Пожирателе. Может быть, это он и есть.

— Мне мать про него рассказывала. А я думал — сказки. В голове не укладывается.

— По крайней мере, я уже не могу отмахнуться от твоей истории.

— Как это выглядело? — внезапно спросил Клык. Его голос был спокоен, но он сжимал кулак. — То, что ты видел. Дыра. Как она выглядела?

Лекс посмотрел на него.

— Ты видел когда-нибудь, как гниёт дерево? Изнутри. Оно ещё стоит, ещё кажется целым, но внутри — труха. А потом… — Он сжал кулак. — В один момент оно ломается. Вот так и с реальностью. Мне показалось, что на севере образовалась дыра не в земле и не в небе, а в самой ткани мира. Она расширялась.

— И что будет, когда она совсем расползётся? — прогудел Грук. На этот раз он говорил на удивление спокойно.

— Если эта тварь действительно приходит за той тишиной, о которой говорила мать Кор-Дума, боюсь, после неё не останется ни людей, ни даже памяти о них. Только пустота.

Никто не ответил сразу.

— Надо послать моих разведчиков. Сейчас же, — заговорил Клык. Все повернулись к нему. — Пусть осмотрятся и выяснят, не появилось ли там чего необычного. Я бы отправил четверых или шестерых.

Шило положил ему руку на плечо, молчаливо поддерживая друга.

Эрвин, старый ингриец, откашлялся. Его голос, надтреснутый и тихий, зазвучал как шелест старых страниц:

— В наших хрониках, в тех, что уцелели после падения столицы, есть записи о Тёмной Войне. Мы долго собирали и переводили их, никому не показывая находок. Там говорилось о том, как Древние сражались с чем-то, пришедшим извне. Они называли это Пустотой. Пятнадцать тысяч лет назад её запечатали в Запретных землях с помощью обелиска, который называли Выключателем. Затем из-за сдвига разразилась эфирная чума: одни из Древних погибли, другие необратимо изменились. О самой Пустоте написано, что она не убивает — она стирает. Человек исчезает, а вместе с ним и память о нём. Хроники обрываются на полуслове. Дальше — только пепел.

— Значит, это правда, — сказал Грук. — Мои шаманы… они тоже говорили о чём-то похожем. Эту историю у нас передают от шамана к шаману. На севере спит что-то старше богов. Что-то, что не знает ни жалости, ни голода — только пустоту. Мои воины не боятся смерти. Смерть в бою — честь. Но это… — Он покачал головой. — Против этого не выставишь щит. Это даже не враг. Это как… как сама смерть. Только намного хуже.

Серафима подняла амулет. Золотая шестерёнка вспыхнула ярче, осветив её лицо.

— Искра, — сказала она. — То, что осталось от Бога-Механизма. Она тоже чувствует. С ночи амулет светится иначе. Я не знаю, сколько у нас времени. Может…

Она не договорила. Но все поняли.

Лаэрон шагнул вперёд.

— Мой отец, лорд Силь'вариэн, заметил странные колебания в эфире. Наши маги так и не сумели объяснить, что происходит. Такого не было со времён Падения Древних. Он просил передать, что дом Силь'Верен остаётся верен союзу. До конца.

Лекс кивнул, принимая сказанное, и опёрся руками о стол.

— Итак, мы готовимся к войне, — сказал он. — Но не к такой, как прежде. Не с эльфами, не с баронами, даже не с богами. С тем, что хуже всего этого вместе взятого. С Пустотой. Первым делом мы должны обезопасить тылы. Механос — наш южный оплот. Если он падёт, мы потеряем кузницы, торговые пути и выход к равнинам. Стальной Шпиль — твердыня. Если и он падёт, нам негде будет держать оборону.

— Механос, — проворчал Кор-Дум. — Рагнар.

— Да. Рагнар уже однажды оставил нас за воротами. Из города ушло столько людей, что ему теперь трудно держать прежнюю власть. Если он договорится с равнинными эльфами, мы лишимся и пути на юг, и кузниц. Мы должны забрать город, пока он окончательно не перешёл на их сторону.

Мать Иллария поднялась со своего места.

— Я очень долго прожила в Механосе, — сказала Иллария. — Там остались люди, которым некуда уходить. Рагнар до сих пор распоряжается их жизнью, а если город станет опорой Азура, он воспользуется их страхом. Я не хочу крови, но оставлять ему Механос нельзя.

Клык поднял голову:

— Мои сталкеры готовы. Мы знаем каждый проход в этом крысятнике.

— Мои воины тоже, — прогудел Грук. — Если Рагнар уже с ушастыми сговаривается, чего нам ещё ждать? Пока он ударит первым?

— И я с вами, — усмехнулся Шило. — Мне там один торгаш три серебряных должен. Самое время заглянуть к нему за своими деньгами.

За столом тихо засмеялись — впервые за всё утро. Смех вышел короткий, нервный, но на эти несколько секунд всем стало чуточку легче.

— Хорошо, — сказал Лекс. — После Механоса — Стальной Шпиль. Там сидят Мираэль и магистры, которые ещё верят, что могут вернуть власть. Мы покажем им, что они ошибаются. А потом… — Он сделал паузу. — Мы попытаемся договориться с богами. У нас нет выбора.

— С богами? — Грым поднял бровь. — После всего, что они сделали?

— Не все боги хотят нашей смерти. Кователь и Лирна — на нашей стороне. Может быть, мы сможем убедить и других, что Пустота — общий враг. А если нет… — Лекс пожал плечами. — Тогда будем драться и с ними.

— Мне нравится этот план, — хмыкнул Кор-Дум. — Особенно та часть, где мы дерёмся.

— Тогда за дело, — сказал Лекс, выпрямляясь. — Каждый знает, что делать. Клык, Грук, Шило — готовьте отряд. Как только получим сведения разведки, выступаем. Грым, Кор-Дум — кузницы Механоса должны заработать круглосуточно, как только мы возьмём город. Мне нужно оружие: «Крохи», «Гром-палки», глушители, импульсные винтовки по образцу из Гнезда — всё, что успеем сделать. Серафима и Мать Иллария, вы позаботитесь о людях. Постарайтесь, чтобы с обеих сторон погибло как можно меньше народу. Не каждый будет драться по своей воле: многие заблуждаются или их принуждают. Айрин…

Он повернулся к ней.

— Ты остаёшься здесь. Оборона на тебе. Если со мной что-то случится — ты поведёшь их.

Айрин встретила его взгляд и придвинула к себе край карты.

— Хорошо. Оборону и лазарет беру на себя.

Все начали расходиться. Комната наполнилась звуками — стук сапог, звон оружия, обрывки разговоров. Грым и Кор-Дум направились в кузницу, Клык, Шило и Грук — отправлять разведчиков и собирать отряд, а остальные разошлись по своим делам.

Лекс остался стоять у стола, глядя на карту.

Айрин подошла, встала рядом. Положила ему голову на плечо.

— Ты ведь больше не ложился, — сказала она. — Я видела.

— Не мог.

Айрин взяла его за руку и положила её на свой живот.

— У нас будет сын, — сказала она. — Мальчик. Здоровый. Крепкий. — Она улыбнулась, но в глазах стояли слёзы. — Будет, наверное, такой же упрямый, как его отец.

Лекс замер. Рука, лежавшая на её животе, дрогнула.

— Сын, наш сын, — повторил он.

— Да.

Цепочка на его шее потеплела. Ни ночью, ни утром Лекс ещё не чувствовал от неё такого тепла.

— А я всё думаю, успею ли защитить вас, — признался он. — Страшно представить, что всё, что мы начали строить, рухнет, а я ничего не смогу сделать.

— Знаю, — ответила Айрин. — Мне тоже страшно. Но ты сделаешь всё, чтобы нас защитить. Ты ведь иначе не умеешь.

Она прижалась к нему, и он осторожно обнял её.

— Я сделаю всё, чтобы он жил, — сказал Лекс. — Даже если для этого придётся разобрать этот мир до винтика и собрать заново.

— Я знаю. Поэтому ты станешь хорошим отцом. А теперь, — сказала она, мягко отстраняясь, — иди. Тебе ещё Механос брать — надо готовиться.

Он усмехнулся, несмотря ни на что.

— Вот, значит, какая у нашего сына будет мать. Сама же меня на войну гонишь?

— Я гоню тебя делать то, что ты умеешь лучше всех. Чинить сломанное. А этот город, — сказала она, кивнув на карту, — уже давно сломан.

Он поцеловал её — коротко, но крепко — и вышел из комнаты.

В коридоре его ждал Клык. Он стоял, прислонившись к стене, и вертел в руках метательный нож.

— Разведчики готовы. Как только они вернутся, сразу выступаем на Механос.

— Хорошо. Мы будем ждать.

Клык помедлил.

— Лекс… то, что ты видел. Это правда? Конец всего?

Лекс посмотрел на него.

— Не знаю. Но мы сделаем всё, чтобы этого не случилось.

Клык кивнул, убрал нож в ножны и ушёл.

Лекс остался один в тёмном коридоре. Он посмотрел на свою руку — ту, что только что лежала на животе Айрин. Пальцы всё ещё помнили тепло. Затем он сжал цепочку на шее. Металл больше не холодил кожу — он был тёплым.

— Я сделаю всё, — повторил он в пустом коридоре. — Клянусь.

Теперь ему предстояло подготовить поход на Механос.

Глава 2. Тени на севере

Месяц Келемвар — Нарвион, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Утро после совета; несколько дней разведки и возвращение
Красные горы — северные перевалы, граница Запретных земель — база Лекса

Рассвет над Красными горами только начинал золотить вершины. Клык уже сидел верхом у ворот базы. Короткая грива коня топорщилась на загривке, а хвост короткими, отрывистыми ударами бил по крупу — верный признак того, что даже конь чувствовал тревогу.

— Проверьте крепления сёдел и упряжь, — бросил Клык сталкерам, которые седлали низкорослых, выносливых степных лошадей. — Не хватало ещё вставать в дороге из-за хреновой подпруги. Ни минуты на это терять нельзя.

Клык лично отобрал опытных сталкеров — тех, кто выжил в Змеиных землях, охотился на тварей Пустоши и знал цену тишине и скорости.

Четверо сталкеров в серо-зелёных плащах, с лицами, скрытыми под капюшонами. У каждого была гаусс-винтовка, извлечённая из древнего города «Гнездо»: оружие, способное пробить камень и металл, с тяжёлыми магазинами, оснащёнными конденсаторами. На поясах висели маленькие кристаллы-связки в оправе из звёздного железа для переговоров на расстоянии, рядом — ножи из ингрийской стали. И главное — запас факелов.

— Командир, — окликнул его один из сталкеров, бывший наёмник из Вольных городов, с сединой в рыжей бороде. — А пацан-то с нами? Серьёзно?

Клык обернулся.

Молодой охотник стоял у крайней лошади, пытаясь затянуть подпругу дрожащими пальцами. Было ему от силы лет семнадцать. Худой, скуластый, а глаза на узком лице до того большие, что не поймёшь, то ли он их с испугу так распахнул, то ли они у него от природы такие. Месяц назад его выкупили из рабства в Механосе — он был слугой у какого-то купца. Рабство официально запретили, но на деле оно продолжало существовать. Получив свободу, парень захотел присоединиться к сопротивлению на базе Лекса. Вчера вызвался добровольцем на разведку. Сказал: «Я охотник. Мой отец учил меня читать следы. Я очень хочу быть полезным, а не дармоедом, который только зря хлеб переводит».

Клык тогда внимательно оглядел его и согласился взять его в отряд.

— Да, серьёзно, — ответил он Игнису. — Всем когда-то в первый выход идти. Или ты сразу бывалым стал? Чем этот хуже других? Тем более сейчас, сам знаешь, как нам нелегко приходится. Я тоже когда-то зелёным был.

Бывший наёмник хмыкнул, но спорить не стал.

Через пятнадцать минут отряд выступил. Шесть всадников, семь лошадей — седьмая везла припасы, вязанку дров и связку факелов, так как в Запретных землях было трудно найти топливо для костра. За воротами базы, там, где кончалась проторённая дорога, начиналась дикая степь. Высокая трава качалась под освежающим утренним ветром — скоро он сменится опаляющим зноем. Вдали — сизые громады северных перевалов, куда мало кто решался отправиться и откуда ещё реже возвращались.

Клык ехал первым, на крупном чёрном жерёбце, который отзывался на каждое движение повода. Лошади сталкеров шли след в след, экономя силы. Всадники говорили мало. Обычная разведка: смотреть внимательно вперёд и по сторонам, слушать, не донесёт ли ветер какие-то звуки, чувствовать землю.

— Сколько нам ещё до перевалов? — спросил молодой охотник. Сталкер, к которому он обратился, ехал рядом. Старше него в отряде никого не было: лет пятьдесят, всё лицо в шрамах.

— Два дня быстрым ходом, — ответил он, не поворачивая головы. — Если не будет тумана или ещё какой напасти. А если будет, то, не дай Кователь, все три. Или вообще никогда.

— Никогда?

— Туман в этих краях… не простой, парень. Говорят, он помнит тех, кто тут пропадал. И зовёт их. А они уже зовут живых.

Охотник побледнел, но всё же промолчал. Он стиснул поводья и уставился на спину Клыка.

В полдень сделали первый привал. Спешились, стреножили лошадей и дали им попастись — здесь ещё была живая трава. Сталкеры достали вяленое мясо и сухари, отпили воды из фляг. Охотник жевал медленно и почти не притронулся к сухарю.

— Имя-то у тебя есть? — спросил здоровяк по прозвищу Молчун. Говорил он больше всех в отряде, правда, всегда по делу.

— Ян, — ответил парень. — Ну… меня так звали в детстве. А у хозяина я был Шустриком.

— Ян, значит. — Молчун кивнул. — Очень хорошее имя.

Клык, сидевший чуть поодаль на камне, чистил ногти коротким ножом. Он слушал краем уха, но не вмешивался. Мальчишка должен найти своё место сам. Или сломаться. Так было всегда в отряде сталкеров. Либо становился своим, либо уходил. А иной раз и вовсе не возвращался из рейда.

К полудню третьего дня они всё-таки увидели перевал.

Горы подступали ближе, сжимая степь в узкое горлышко. Здесь степной зной сменился почти зимним холодом, хотя календарь показывал конец лета — месяц Келемвар. Лошади начали ещё больше нервничать, фыркали, косили глазами на тени, как будто в них кто-то затаился.

— Дальше идём пешком, — приказал Клык, спрыгивая с седла. — Лошадей оставляем здесь. С ними останется… — Он оглянулся на Яна. — Ты умеешь обращаться с лошадьми?

— Да, командир. Я в конюшне работал.

— Хорошо. Оставайся с лошадьми. Мы пойдём впятером, ты ждёшь тут.

— Но я…

— Ты нужен здесь. Ты нам лошадей сбереги. И жди нас до завтрашнего вечера. — В походе с Клыком не спорили. После вылазки говори ему что угодно, а здесь, пока препира-

ешься, кто-нибудь из своих и погибнуть может. — Если к тому времени мы не вернёмся, уводи лошадей как можно скорее и доложи Лексу. Понял?

Молодой охотник кивнул, стиснув зубы, явно недовольный тем, что ему не дали пойти со всеми.

Забрав с вьючной лошади дрова и запас факелов, Клык повёл остальных сталкеров вверх по каменистой тропе. Лошадей здесь легко было покалечить, и тогда обратный путь занял бы гораздо больше времени, а шансы вернуться живыми уменьшились бы.

Три тяжёлых часа они поднимались по осыпям — мимо замшелых валунов, мимо корявых сосен, которых становилось всё меньше, пока они не исчезли совсем. Только камни. Серые, холодные камни. И глубокая тишина.

Один из сталкеров первым заметил странность.

— Командир, — позвал он шёпотом. — Смотри, что-то не так с травой.

Клык опустил взгляд. Трава здесь была пепельно-серой, совсем не похожей на обычную увядшую траву, которая желтеет или буреет. Он нагнулся, коснулся стебля, и тот рассыпался в пыль.

— Не жжёная, — сказал сталкер, тоже рассматривая один из пучков. — И даже не сухая от солнца. Просто… мёртвая.

— Дальше будет ещё хуже, — буркнул другой сталкер. — Задницей чую.

Они снова двинулись дальше. К исходу третьего дня пути отряд достиг перевала.

Перевал открылся перед ними внезапно — как порез на горной гряде. Узкая седловина между двумя пиками, за которой лежала… пустота.

Не буквально. Земля там была. Но она была мёртвой.

Клык поднял руку, приказывая остановиться. Сталкеры послушно замерли, вскинув винтовки: обращению с этим оружием они обучились одними из первых.

Они будто стояли на границе жизни и смерти.

Впереди, насколько хватало глаз, расстилалась равнина, покрытая серой, ломкой травой, которая рассыпалась в пыль от малейшего ветерка. Деревья были чёрными, хрупкими, как после пожара, но нигде не виднелось ни дыма, ни следов гари.

— Господи, помилуй, — выдохнул кто-то из сталкеров. — Что ж это такое?

— Тишина, — сказал другой сталкер. — Слышишь?

Клык прислушался. Ничего. Ни птиц, ни стрекота насекомых, ни шороха зверья. Только ветер иногда проходил по мёртвой траве, заставляя её шуршать, как сухой песок. Других звуков не было.

— Совсем мёртвая земля, — прошептал ещё один. — Я такого никогда не видел. Даже в Пустоши есть мухи, падальщики, хоть что-то. А здесь… как будто бы вообще ничего.

Клык шагнул вперёд, на серую траву. Под его сапогами она с хрустом рассыпалась в облачко пепла. Он сделал ещё несколько шагов и подошёл к ближайшему чёрному дереву. Дерево напоминало холодный уголь. Клык постучал рукоятью ножа по стволу — дерево раскололось с сухим треском, внутри оказалось таким же чёрным.

— Ни мха, — сказал он, разглядывая камни у корней. — На камнях нет мха. И лишайников. Даже плесени. Ничего.

— Командир, — позвал его Ветер. — Смотри.

Ветеран показывал на небо. Там, в вышине, кружила одинокая ворона. Она делала широкие круги, но почему-то не садилась на мёртвые деревья. А потом вдруг сложила крылья и камнем упала вниз — прямо на серую траву. Ударилась о землю и замерла.

— Вот и всё, — сказал Клык. — Даже птицы не хотят здесь жить. Или не могут. — Он вытащил кристалл-связку и активировал её.

— Клык — Базе. Приём.

Треск помех, потом голос Лекса, искажённый расстоянием:

— Слышу тебя. Докладывай.

— Мы на перевале. Земля мёртвая, совсем. Трава серая, деревья чёрные, ни зверья, ни насекомых. Только что ворона упала мёртвая с неба.

По связи повисла пауза.

— Ещё что-то видели?

— Нет. Но мы только на границе. Дальше не заходили.

— Не заходи. Разбейте лагерь, наблюдайте. Если что-то будет не так — немедленно уходите. Вернитесь живыми — вот что мне важнее любых сведений. Понял?

— Понял. — Клык убрал кристалл и повернулся к сталкерам. — Лагерь здесь, на границе. Надо разобраться, что тут творится. Местную древесину не трогать: неизвестно, как она горит и кого может привлечь её огонь. Разведём огонь только из принесённых дров, разогреем еду и сразу потушим. Спать по очереди. Факелы держать наготове.

Они нашли неглубокую пещеру в скальном выходе — естественный грот, где под сводами могли укрыться пятеро. Двое собрали камни для баррикады. Третий выставил сигнальную нить с колокольчиками у входа. Клык проверил сухость запасных факелов и зажёг один: пламя было ярким и устойчивым.

Гаусс-винтовки держали наготове, хотя Клык очень надеялся, что до боя не дойдёт. Задача — наблюдать, запоминать увиденное и всем вернуться живыми. Снаружи быстро темнело. Тени удлинялись, но это были самые обычные тени от камней, остатков деревьев. В пещере и так было прохладно, а к вечеру стало ещё холодней. Сталкеры быстро разожгли огонь из принесённых с собой сухих досок, разогрели в котелках походный паёк и поужинали, передавая друг другу флягу с холодной водой.

— Командир, — спросил один, жуя вяленое мясо. — А что это вообще за хрень? Траву убивает, деревья убивает, птиц… нас тоже того?

— Может, — коротко ответил Клык. — По описанию Лекса и старых хроник, это похоже на действие Пустоты. Что она делает с людьми, проверять на себе не хочу.

— И как с этим бороться?

— Лекс что-нибудь придумает. Очень на это надеюсь. Поэтому мы здесь. Чтобы он понял больше.

Второй, сидевший у входа с винтовкой, скептически хмыкнул:

— Наш инженер… он, конечно, умный. Но против такого? Против того, чего боги страшатся?

— Вот и выясним, с чем имеем дело, — рыкнул Клык. — Наше дело — разведка. Пусть у Лекса будет на что опереться, когда он начнёт искать решение.

Игнис пожал плечами, но всё же замолчал.

Ночь наступила. Темнота здесь казалась густой и давящей. Обе луны скрылись за густыми облаками. Звёзд тоже не было видно. Только редкие всполохи далёких эфирных бурь подсвечивали горизонт фиолетовым.

Клык первым заступил в караул. Он сел у входа, положил винтовку на колени и стал всматриваться в непроглядную темноту. Костёр и факелы уже потушили, чтобы не привлекать внимание. Глаза постепенно привыкли, но он не видел ничего. Только холодные камни, остовы деревьев и серую землю.

И вдруг — едва уловимое движение. В другое время Клык мог бы не заметить его, но среди неподвижных камней любое шевеление бросалось в глаза.

Слева, у подножия скалы, что-то шевельнулось. Клык напрягся и нащупал факел, не отрывая глаз от подножия скалы.

Тень. Но не от камня. Тень, которая двигалась сама по себе. Плоская, двумерная, как кусок чёрной бумаги, скользящая по земле, по камням, по вертикальным поверхностям — для неё, казалось, не существовало преград.

— Подъём! — рявкнул Клык, вскакивая. — Там кто-то есть!

Сталкеры среагировали мгновенно — результат тренировок и боевого опыта. Двое схватили факелы, третий вскинул винтовку.

Но то, что пришло, не стало ждать.

Они появились беззвучно, как и подобает теням. Сначала одна, потом две, следом ещё десять. Они скользили по стенам пещеры, по земле, возле спин сталкеров — холодные, липкие.

У входа, чуть в стороне от остальных, стоял самый молодой из сталкеров. Он успел только вскинуть факел, когда тень коснулась открытого участка кожи на его голени.

Лис замер. Лицо его начало сереть почти мгновенно — краски уходили, как вода из опрокинутой чаши. Не успев даже вскрикнуть, он рухнул, как подкошенный, и больше не шевелился.

— Лис! — заорал Молчун.

— Свет! Давай свет! — Клык зажёг два факела и выставил их навстречу теням.

Живое пламя дрогнуло, но всё же ярко вспыхнуло, отгоняя тьму. Тени заметались, как будто раздражённо зашипели — Клык готов был поклясться, что услышал шипение, хотя откуда у теней голос? — и отпрянули, сползая в углы, где свет был слабее всего.

Один из сталкеров зажёг свой факел от огня Клыка, за ним второй. Четыре огня скрестились в пещере, создавая островок безопасности. Тени жались к стенам, но не уходили. Ждали удобного момента, малейшей оплошности живых людей.

— Немедленно отходим! — скомандовал Клык. — Лиса с собой — и к лошадям!

— Он мёртв, командир! — крикнул один из сталкеров, проверив пульс у посеревшего тела. — Мгновенно!

— Забираем! — повторил Клык. — Тело надо показать Лексу. Узнать, от чего умер.

И тут случилось то, чего Клык никак не ожидал.

К ним подошёл Ян — молодой охотник, оставленный внизу у перевала с лошадьми.

— Впустите меня. Мне там одному страшно и холодно. Не хочу быть один.

— Ян! Стоять! Откуда ты здесь взялся? И почему тебя не трогают? — рявкнул Клык, но его слова словно не доходили до парня. А может, Ян всё слышал, только отвечать не хотел. Или уже не мог.

Он вошёл в круг света, опустив голову. Тени обходили его стороной, а на приказ Клыка парень так и не отозвался, продолжая просить, чтобы его не оставляли одного.

— Чтоб тебя… Молчун, это, похоже, уже не Ян! Стреляй!

Молчун не стал спорить и выстрелил в голову: чутью Клыка, не раз выручавшему их из передряг, он доверял. Ян вскинул голову — и вот тогда они увидели посеревшее лицо с обсидианово-чёрными глазами. Молчун выстрелил ещё несколько раз, и только тогда Ян произнёс:

— Вы все останетесь тут и погрузитесь в вечное ничто. С вас всё начнётся.

Ян упал на спину, и из его открытых глаз вырвалась тень, заметавшаяся на свету.

— Молчун, Игнис — прикрываете отход с телами, остальные — со мной!

Он рванул наружу, выставив факел перед собой как копьё. Следом, пыхтя и матерясь на чём свет стоит, бежали Игнис и Молчун; Молчун тащил оба тела, волоча их за одежду.

Снаружи было темно, хоть глаз выколи. Лун нет, звёзд нет. Только слабое фиолетовое зарево на горизонте. Клык и один из сталкеров подняли факелы выше, свет заметался по равнине.

— Все за мной! Молчун, тащи обоих, сколько сможешь! Мы прикроем тебя факелами, не подпустим тени!

Тишина. Выбрать направление в непроглядной ночи, освещённой лишь факелами, было почти невозможно.

— Туда! — Клык указал направление почти наугад.

Они бежали по мёртвой траве, которая рассыпалась под ногами в пепел, размахивая факелами, чтобы тени не смели приблизиться. Молчун начал отставать: волочить одновременно двух людей было непосильной работой, да и лёгкие его были уже не те, что в молодости.

Клык с остатками отряда добрался до края какой-то расщелины — широкой трещины в земле, куда не проникал свет его факела. В ней как будто роились эти тени. Они явно шли не в ту сторону.

— Командир, я двоих так долго не протащу. Факелы кончатся — нас всех задавят. Нужно кого-то оставить, а с собой хоть что-нибудь взять, чтоб было что Лексу показать.

Клык, недолго думая, приказал положить охотника на землю, наклонился, сдёрнул с него плащ. Края были разорваны — словно он с кем-то дрался. Или что-то тащило его за этот плащ.

— Эх, Ян! Кто бы знал, что так будет.

Он посветил факелом в расщелину. Огонь осветил каменные стены, уходящие вниз, в непроглядную черноту. Там, на глубине, мелькали тени. Или показалось.

— Командир, всё, его нет. Мы ему уже не поможем, тем более здесь, в такой темноте. Надо возвращаться.

— Я знаю. — Клык сжал плащ в кулаке. — Знаю. Мы сбились с пути и потратили слишком много факелов. Оставшихся не хватит. В пещере — запас дров и факелов.

Они добрались обратно до пещеры. Ветер и Молчун уложили тело Лиса у входа, завернув в плащ Яна. Факелы продолжали гореть, отгоняя тени, которые снова сползлись к пещере, как змеи к теплу.

— На рассвете сразу уходим. А пока сидим здесь. Огонь живо разжечь, светить во все стороны! И чтоб никто не вздумал спать. До утра держимся.

Четыре часа. Целых четыре часа они сидели в пещере, окружённые тенями, которые не решались приблизиться к огню, но и не собирались уходить. Клык подбрасывал в костёр сухие ветки и обгоревшие рукояти факелов, а новые зажигал один за другим, по мере надобности. Один из оставшихся держал свой, хотя рука уже дрожала от усталости. Второй, держа факел, читал молитву — старую ингрийскую, какую не вспоминал лет двадцать. Ещё один сжимал винтовку вместе с факелом, смотрел в одну точку.

Тени ждали. Они знали, что огонь не может гореть вечно.

К счастью, рассвет наступил раньше, чем догорели факелы.

Первые слабые лучи солнца, пробивавшиеся сквозь низкие облака, упали на перевал. Тени исчезли. Не отступили — а именно исчезли, словно их никогда и не было на этой мёртвой земле.

Клык осторожно вышел из пещеры, щурясь на свет. Вокруг — всё та же мёртвая земля, серая трава, чёрные деревья. Ни следов теней, ни признаков ночной схватки или отчаянного бегства. Только тело одного из них, завёрнутое в плащ молодого охотника, лежало у входа.

— Все встали, — сказал он хрипло. — Уходим из этого проклятого места. Как можно скорее. Здесь куда опаснее, чем казалось сперва.

Они спускались с перевала молча, не обсуждая ни ночной схватки, ни понесённых потерь.

Клык же нёс тело Лиса на плечах. Ноша была тяжёлой — и дело было не только в её весе. Лис был молод. У него осталась девушка в Механосе — Молчун рассказывал, как видел их у ворот кузницы, когда они целовались. А теперь Клык принесёт ей свёрток с телом и скажет: «Прости, он погиб героем».

Героем. Какое глупое слово для того, кто просто стоял на часах и не успел даже выстрелить.

К полудню они добрались до места, где оставили Яна сторожить лошадей. Верховые по-прежнему стояли стреноженные. Чуть поодаль обнаружилась вьючная: она лежала сморщен-

ная, серая и сухая, будто из неё выжали всю влагу. Клык не понимал, почему тени тронули только её, а остальных оставили в живых.

Разбираться с этим на месте никто не стал: всем хотелось поскорее уйти.

Тело Лиса закрепили на одной из двух лошадей, оставшихся без всадников. Четверо уцелевших сели верхом, а обоих свободных коней — с телом и без — Молчун повёл в поводу. Клык оглянулся на перевал.

— Уходим. Гоним коней. Через день должны быть на базе.

Они двигались всю ночь, освещая дорогу факелами. Клык гнал лошадей, не щадя их, но время от времени всё же устраивал получасовые привалы, чтобы дать им передохнуть. Не считая этих остановок — ни единой передышки, только вперёд. Только домой.

На рассвете второго дня они увидели Красные горы — родные, привычные, живые. Здесь не было мёртвой земли. Здесь ещё пели птицы. Здесь был воздух, который можно было вдыхать без страха, что он высушит лёгкие.

Клык въехал в ворота базы, когда солнце только поднялось над стенами. Его ждали. Лекс сам вышел навстречу — без свиты, без охраны, в простой рубахе и штанах, с закатанными рукавами. Айрин стояла чуть позади, положив руку на цепочку фамильного медальона.

Клык спрыгнул с коня. Земля качнулась под ногами — он не спал почти двое суток. Но не подал виду.

— Вижу, у вас потери, — тихо сказал Лекс. — Пойдём внутрь. Там и доложишь.

Они прошли в командный центр. Клык приказал одному из сталкеров принести свёрток туда же, положить на освещённом месте и пока не рассказывать посторонним о случившемся.

— Я потерял двоих. — Клык говорил сухо и ровно. — Один — на часах, мгновенно. Касание тени. И тот парень… охотник, доброволец. Вернулся ночью, перепуганный. Твердил, что страшно, что холодно. Тени его не трогали. Приказываю — будто не слышит. Тут я и подумал, что это уже не он. Только выстрелами и остановили. Попытались выйти ночью, но в этой серой мути, да ещё в темноте, дороги не нашли. Пришлось бросить одного, иначе бы не вышли. Это нас и спасло. И ещё странность: лошадей не тронули, кроме вьючной.

Тело лежало на полу, завёрнутое в плащ. Клык стянул его с Лиса и расправил на каменном столе.

— Вот. Плащ Яна. Забрали хоть что-то.

Лекс взял плащ, осмотрел. Потом перевёл взгляд на тело, которое сталкеры сняли с лошади. Лицо Лиса было серым — неестественно, не как у мёртвого, а как у того, из кого вынули саму суть жизни.

— Что же это было? — спросила Айрин, подходя ближе.

— Тени, — ответил Клык. — Двумерные силуэты. Берёт ли их оружие, не знаю: по самим теням мы не стреляли. А вот света они боятся — это мы проверили. Факелы отогнали тени, но не уничтожили их. Мы даже не видели врага по-настоящему. Только какие-то тени на стенах.

Он помолчал, глядя на плащ Яна.

— Совсем молодой был. Всё хотел доказать, что и от него толк есть.

В командном центре стало тихо. Сталкеры молчали, опустив головы. Лекс сжал плащ в кулаке, потом аккуратно сложил и отдал стоявшему рядом Эрвину. Некоторое время Лекс молча смотрел на погибшего.

— Слушай меня внимательно, друг. И коней, и тело надо сжечь. Немедленно. Но по отдельности: нужно кое-что проверить. Мы не знаем, способны ли тени скрываться в животных. Лошади всю ночь стояли без присмотра у заражённой земли, и рисковать всей базой я не могу.

Видно было, что решение давалось Лексу непросто.

— Если ничего не случится, ну и слава богу. А если случится — хоть увидим своими глазами, с чем имеем дело.

— А потом похороните Лиса со всеми почестями, — сказал он тихо. — А Яна помяните отдельно: его тело осталось там, на перевале. Его ведь никто не заставлял. Мальчишка сам вызвался идти, и за одно это ему честь.

Он положил руку на плечо Клыка.

— Я понимаю, что ты устал, но тело надо сжечь самим и при свете дня. Пока не разобрались, незачем пугать людей слухами. Коней жалко: на них и ездить можно, а в крайнем случае и на мясо пустить. Только сейчас не до этого. Лошадей сожгут орки, я попрошу.

Вызвали Грука, попросив зарезать коней и сжечь их дотла. Сами же сложили за стенами небольшой погребальный костёр и положили на него тело погибшего. У костра собрались Лекс, Айрин и Клык со своим отрядом из троих человек.

— Молодой был Лис, — сказал на прощание Клык. — А сталкер уже бывалый. И смелости ему было не занимать. Остальные молча стояли рядом, отдавая товарищу последние почести. Клык поднёс факел. Огонь жадно охватил сухие дрова и перекинулся на тело. Поначалу всё было как обычно, но в какой-то момент тело выгнуло дугой, из глаз повалило что-то чёрное. Оно попыталось с воем кинуться к сталкеру, стоявшему ближе всех, но не успело. Растаяло на солнце — и правда, как тень.

— Вот оно как, — произнёс Лекс. — Выходит, они могли укрыться в телах погибших и добраться до базы. Возможно, поэтому верховых лошадей и оставили в живых. Если бы вы вернулись ночью…

Вернулся Грук и доложил, что лошадей забили и теперь жгут.

— Жалко столько вкусной еды. Можно было пир устроить.

— А ничего странного не было? — спросил Лекс.

— Нет. Коней забили, туши жгут. Пока ничего странного не заметили.

— Ладно, друг, иди к своим, доделайте дело и отдыхайте. На совете всё расскажу.

— На вид уцелевшие лошади были обычными, — сказал Лекс, когда Грук ушёл. — Но одна погибла у перевала, а мы даже не знаем отчего. Пока не разберёмся, как эта зараза действует на животных, за остальных коней я ручаться не могу.

— И ты иди отдыхай, Клык. Тебе нужны силы. Завтра с утра совет. Теперь мы знаем, что враг не ждёт.

Клык кивнул. Повернулся, пошёл в казарму, не оглядываясь. За ним последовали остальные сталкеры. Никто не заговорил.

Лекс и Айрин остались во дворе, глядя на север, туда, где за горами лежала мёртвая земля и скользили тени, а может, и не только тени.

— Тени, — прошептал он. — Всего лишь тени.

Лекс смотрел на костёр. Теперь у них были первые сведения о враге, добытые ценой двух жизней, но оставалось слишком много вопросов, на которые никто пока не мог ответить.

Айрин подошла и крепко взяла его за руку.

— Ты найдёшь способ, — сказала она.

— Надо искать слабое место, — ответил Лекс, не отрывая взгляда от костра.

Глава 3. Тайная сделка

Месяц Нарвион, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Глубокая ночь
Тайный кабинет Леди Мираэль в подземельях Стального Шпиля

В кабинете, как обычно, царил полумрак. Всё те же три свечи на столе из чёрного дерева отбрасывали на стены дрожащие тени, порой принимавшие причудливые, почти живые формы — то ли крадущегося зверя, то ли сгорбленного старика, то ли ещё кого похуже. Мираэль сидела почти неподвижно. Её унизанные перстнями пальцы лежали на столе; только указательный палец правой руки чуть заметно постукивал по полированной поверхности. Этот негромкий стук за толстыми стенами никто бы не услышал, но он выдавал её нетерпение.

Стук. Пауза. Стук. Пауза. Стук-стук-стук — быстрее, быстрее, пока она не одёрнула себя усилием воли.

Она ненавидела ждать. Ненавидела это липкое, вязкое чувство беспомощности, когда всё, что ты можешь сделать, — сидеть и смотреть, как мир катится в бездну, а ты не в силах ничего изменить. По крайней мере, пока. Она ждала не гостя — ждала ответа на вопрос, который мучил её уже несколько часов, с тех пор, как содрогнулся эфир и ожил осколок.

Мираэль поднесла ладонь к лицу. Иллюзия, скрывавшая багровый узор, всё ещё держалась, но с трудом: вена под ней пульсировала так яростно, что маскировка истончилась и сквозь неё проступал зловещий ритмичный свет. Мираэль пришлось сосредоточиться на плетении, чтобы багровый узор снова исчез. То, что прежде было лишь сгустком энтропии в её руке, теперь резонировало с чем-то огромным, древним, невероятно далёким и необъятным. С чем-то, что внезапно пробудилось.

«На севере», — подумала она. За горами, за перевалами, где-то в направлении Запретных земель. Точнее определить источник она не могла.

Она не знала, что это такое. Ей не были известны ни легенды дворфов о Пожирателе, ни ингрийские хроники о Тёмной Войне. Она была магом-прагматиком, а не хранителем древних тайн. Теперь она ощущала чужой голод. Абсолютный, всепоглощающий, не сравнимый ни с чем, что она испытывала когда-либо раньше. Так мог бы чувствовать себя зверёк, которому негде скрыться от взгляда хищника. Ещё она чувствовала холод. Тот самый холод, который

она ощутила, когда впервые позволила осколку коснуться своего разума. Тогда он был лишь отголоском, шёпотом из бездны. Теперь он ревел, как ураган; от этого рёва у неё сводило зубы.

Мираэль допускала, что, если эта сила вырвется на свободу, от мира может не остаться ничего — ни Шпиля, ни Механоса, ни Лекса, ни его жалкой армии. Но главное — не станет и её самой. Ни единого следа, ни единой мысли, ни одного воспоминания.

Мираэль подавила подступивший страх: там, где другие видели гибель, она видела возможность.

Из смуты можно было выстроить лестницу к власти. Мираэль уже видела вершину, о которой прежде не смела и мечтать. Но путь наверх нужно было обезопасить. Убрать главное препятствие.

Лекса.

Она произнесла это имя мысленно — и тут же почувствовала, как багровая вена на руке вспыхнула ярче, словно отзываясь на её ненависть. Ненависти к Лексу и без осколка хватало: его самоуверенность, его проклятое благородство, вызов, который этот жалкий человечишка из другого мира бросил системе, выстроенной за века. Победа над Нергал сделала его ещё опаснее.

Он ещё не захватил Механос, но она знала — это вопрос времени. Её шпионы докладывали: Лекс готовился к выступлению, его лазутчики уже проникли в город. Рагнар мог нанять воинов, но не мог вернуть одним приказом ушедших из Механоса мастеров. Мираэль сомневалась, что ему удастся надолго удержать город. После Механоса придёт очередь Стального Шпиля — её города, её крепости, её источника власти. Лекс не оставит ей ничего — он раздавит Магистериум, распустит тайную канцелярию, лишит её влияния, которое она укрепляла столетиями. Всё, чего она добилась, — положение, власть, страх в глазах подчинённых и уважение в глазах врагов, — всё это обратится в пыль.

При мысли об этом её кулаки сжались, ногти впились в ладони. Она очень отчётливо представила, как Лекс входит в её кабинет, как садится в её кресло, как разбирает её бумаги своими грубыми человеческими пальцами. Представила — и едва не задохнулась от дикой ярости.

Если она не ударит первой.

Мираэль резко поднялась — кресло откатилось назад и ударилось о стену. Она подошла к карте, развёрнутой на всю стену. Пальцы пробежали по южным границам, задерживаясь на отметках, обозначавших скопления войск. Азур. Бог войны, чья армия была потрёпана в предыдущих стычках, но не уничтожена окончательно. Она знала: Человек в Сером ещё вчера доложил, что Азур собирает остатки своих легионов на южных равнинах. Его жрецы мечутся по городам, вербуя всех, кого удастся заманить посулами и золотом. Кому-то обещают одно, кому-то другое, а иногда и всё сразу. Обещают и прощение грехов, что для некоторых было не менее важно. Его аватары всё ещё сияют в храмах, призывая к священной войне против еретика, что посмел выступить против богов — человечишки Лекса.

Азур был силён и зол на Лекса, посмевшего бросить ему вызов. Мираэль понимала эту злость: сама испытывала её всякий раз, когда думала о Наследнике. Гнев делал даже разумных существ предсказуемыми. После Нергал она уже не спешила считать богов послушными инструментами, но могла попытаться направить гнев Азура против их общего врага.

«Ты дашь мне то, что мне нужно», — прошептала Мираэль. В её шёпоте было что-то почти интимное, как в обещании любовнику.

Она закрыла глаза, сосредоточилась. Магия иллюзий была её второй натурой, но сейчас ей требовалось совсем иное — магия поиска, магия связи. Она вытянула руку вперёд, и вена вспыхнула ярче, охотно отзываясь на её волю. Мираэль помнила, как осколок вмешался даже в простое заклинание телекинеза, и по-прежнему не решалась полагаться на его отклик. Она не призывала Азура нагло, как вызывают никчёмного слугу: пока это было бы глупо и опасно

— боги не прощают подобного. Она лишь посылала сигнал: крошечную, едва уловимую искру своего присутствия, замаскированную под молитву жрицы, под случайный всплеск эфира, под что угодно. Искру, которую мог заметить только тот, кто сам искал союзников. Отправив сигнал, Мираэль вернулась к креслу и села ждать ответа.

Ответ пришёл гораздо быстрее, чем она ожидала. Значит, Азур действительно искал союзников, хотя это ещё не означало, что он примет её условия. Осколок сердца богини, умевшей манипулировать эмоциями лучше других, усиливал способности Мираэль; однако она по-прежнему не знала, в какой мере управляет этой силой.

Воздух в кабинете сгустился, стал тяжёлым, как перед грозой. Запахло озоном и чем-то ещё — чем-то металлическим, горячим, как раскалённый меч, опущенный в воду. В центре комнаты проступило слабое свечение. Сначала — едва заметное, как марево над раскалённым песком. Потом — ярче, ослепительнее, пока наконец перед Мираэль не предстал аватар.

Она видела его однажды, много лет назад, на какой-то церемонии в храме. Но тогда он был далеко, на возвышении, окружённый жрецами и дымом благовоний. Теперь он стоял в двух шагах от неё — и это было совершенно другое ощущение.

Он был огромен. В три человеческих роста, с головы до ног закованный в доспехи из чистого света, которые, казалось, были выкованы из солнечных лучей. За его спиной пылали два огненных крыла, не обжигающих, но излучающих такую мощь, что свечи на столе замигали и едва не погасли, а кожа Мираэль начала нагреваться, несмотря на все защитные чары. В правой руке он держал меч — длинный, прямой, с клинком из белого пламени, которое гудело, как растревоженный улей. Его лицо скрывал шлем, и в прорезях для глаз виднелось лишь ослепительное сияние, в котором, как ей показалось, мелькали картины далёких сражений: умирающие воины и скрещённые мечи.

Мираэль не встала. Сердце билось где-то в горле, но она не позволила себе даже вздрогнуть. Она лишь чуть склонила голову — ровно настолько, чтобы жест можно было принять за уважение, но не за подобострастие. Она знала, что боги, особенно такие, как Азур, не ценят раболепия тех, кого считают ниже себя. Они ценят силу — а сила сейчас была в том, чтобы не отвести взгляд.

— Великий Азур, — произнесла она, и её голос не дрогнул, хотя от напряжения всё внутри сжималось. — Я польщена, что ты откликнулся на мой зов.

— Ты звала меня, смертная. — Голос аватара звучал как раскат грома, отражаясь от каменных стен так, что с потолка посыпалась каменная крошка. — Говори. У меня очень мало времени. Война не ждёт.

— Нам тоже ждать некогда. — Мираэль позволила себе лёгкую, едва заметную улыбку — ту самую, которая так бесила её врагов и так успокаивала союзников. — Ты собираешь армию против Лекса, а он уже готовится захватить Механос и превратить его в свой оплот.

Аватар сделал шаг вперёд. Пол под его ногами задрожал. Мираэль почувствовала, как вибрация отдаётся в костях.

— Это известно каждому, у кого есть уши. Зачем ты отвлекла меня, женщина? У тебя есть что-то, чего я не знаю? Так говори, не тяни время!

«О да, мой бог, — подумала она, — у меня есть то, чего ты точно не знаешь. У меня есть осколок сердца твоей поверженной сестры в руке, и я считаю, что заключила сделку с существом, которое древнее тебя в тысячу раз». Но вслух она сказала совсем другое.

— У меня есть то, чего нет у твоих жрецов. — Мираэль поднялась и подошла к карте, остановившись в шаге от сияющей фигуры. Жар, исходивший от аватара, был почти невыносим: она чувствовала, как кожа на лице начинает сохнуть, как по спине бегут струйки пота. Но она не отступила. — Лекс сейчас слаб. Его силы рассеяны, его союзники ещё не стянули войска. Дворфы только-только начали мобилизацию, орки ещё не собрали свои племена, а эльфы дома Силь'Верен колеблются — я знаю это от своих агентов. Но если он возьмёт Механос —

а он возьмёт, если мы его не остановим, — то получит доступ к кузницам, ресурсам и новым рекрутам. Он станет намного сильнее. А следующей его целью станет Стальной Шпиль. Мой город. Мой дом.

Дав Азуру время осмыслить сказанное, она продолжила тише, но столь же уверенно:

— Я не намерена этого допустить. Я слишком долго и слишком упорно работала, чтобы какой-то выскочка разрушил всё, что мне дорого. У меня есть шпионы в каждом крупном городе. До меня доходят сведения, которых не получают даже твои верховные жрецы. У меня есть влияние в самом Шпиле — влияние, которое я столетиями наращивала: шаг за шагом, союз за союзом. Я знаю, как Лекс мыслит, как он действует, где его слабые места. Я могу вовремя снабжать тебя точными сведениями и ударить Лексу в спину, когда он меньше всего этого ждёт. Ни молитвы, ни жертвоприношения тебе этого не дадут. Вместе мы можем раздавить его, пока он не стал слишком силён. Поодиночке — мы оба проиграем. Ты уже пробовал воевать с ним в одиночку. Ты помнишь, чем это кончилось.

Напоминать богу о поражении было рискованно, однако, промолчи она, Азур мог принять её за очередную просительницу, а не за человека, от сведений которого зависит успех похода.

Азур молчал. Меч в его руке гудел: этот гул заполнял комнату, давил на уши, от него ныли зубы. Мираэль чувствовала, как её иллюзия, скрывающая багровую вену, трещит под этим давлением, как маскировка истончается ещё больше, готовая развеяться в любой момент. Если он узнает, что она носит в себе осколок сердца Нергал, тогда… Она удерживала иллюзию усилием воли, сосредоточив на ней всё своё внимание. Капля пота скатилась по виску. Она надеялась, что Азур примет это за реакцию на его присутствие.

— Что ты хочешь взамен? — спросил он наконец. Он говорил тише, но Мираэль всё ещё слышала в его голосе угрозу, как в рычании хищника перед прыжком.

Только тут Мираэль перевела дух. Самый опасный момент миновал. Теперь начинались переговоры.

— Пост Верховного магистра. После победы. С неограниченными полномочиями. Я хочу править Стальным Шпилем — от твоего имени, разумеется. Я хочу, чтобы все Дома Крови склонили головы передо мной. Я хочу, чтобы моё слово стало законом для каждого эльфа от Изумрудных Лесов до Серебряных Озёр.

Аватар издал звук, похожий на смех — сухой, лишённый веселья, как скрежет металла о камень.

— Ты хочешь власти. Все вы, смертные, одинаковы. Что ж, по крайней мере, ты честна в своей жадности. Это лучше, чем притворное смирение твоих коллег по Магистериуму.

— Я хочу справедливости. — Голос Мираэль зазвучал твёрже, в нём смешались уверенность, достоинство и скрытая угроза — знакомое сочетание, которое так хорошо действовало на подчинённых. — Я служила этому городу дольше, чем многие твои жрецы живут на свете. Я поднялась с самых низов, скрывая то, что могло бы меня уничтожить. Я отдала этой работе всю свою жизнь — у меня нет ни семьи, ни друзей, ни привязанностей. Есть только долг. И я вижу, как Лекс разрушает всё, что я строила. Он освобождает рабов — и экономика трещит по швам. Он уничтожает Кристаллические поля — и мы теряем источник энергии. Он подрывает авторитет Магистериума — и Дома Крови начинают грызться между собой, как собаки за кость. Если он победит, мир погрузится в анархию. Тысячи лет порядка, традиций, законов — всё обратится в пыль. Я этого не хочу. Я хочу стабильности. Я хочу, чтобы эльфийская цивилизация выжила и процветала. И я готова служить тебе, чтобы этого достичь.

Это была полуправда, искусно смешанная с лестью. Мираэль действительно хотела стабильности, но такой, при которой сама стояла бы на вершине. Она презирала хаос, который нёс с собой Лекс, не из любви к традициям, а потому, что в хаосе труднее предсказывать чужие

ходы и управлять событиями. И служить Азуру дольше, чем это было ей выгодно, она не намеревалась.

Азур молчал. Сияние его доспехов то усиливалось, то тускнело; Мираэль не понимала, что это означает.

— Я подумаю, — произнёс он наконец. — Если ты говоришь правду, если твои сведения помогут мне раздавить гадкого еретика, ты получишь свою награду. Я вознесу тебя так высоко, как ты и мечтать не смела. Но знай: если ты всё же лжёшь, если ты попытаешься предать меня или использовать в своих целях… — Он не договорил, но в этом не было нужды. Жар, исходивший от аватара, на мгновение стал почти невыносимым. Мираэль почувствовала, как её кожа начинает гореть даже сквозь магическую защиту. Боль была настоящей, не иллюзорной — он хотел, чтобы она запомнила этот момент.

— Я не лгу, — сказала она, выдерживая этот жар с улыбкой, хотя внутри всё кричало от боли. — Я предлагаю тебе союз. Выгодный для нас обоих.

Аватар начал меркнуть, рассеиваться, и через несколько секунд в кабинете снова воцарилась тьма, нарушаемая лишь светом трёх свечей.

Мираэль опустилась в кресло и протяжно выдохнула — с присвистом, как человек, который слишком долго пробыл под водой и наконец вынырнул на поверхность. При Азуре она ничем себя не выдала, а теперь платье прилипло к мокрой спине, сердце всё ещё колотилось и руки на коленях мелко дрожали. Иллюзия на правой руке едва не развеялась — багровая вена пульсировала так яростно, словно хотела вырваться наружу, показать себя миру. Она поправила маскировку небрежным жестом, восстанавливая безупречную эльфийскую бледность.

Пока ей удалось скрыть осколок и добиться, чтобы бог рассмотрел её предложение. Большего она от этой встречи не могла потребовать.

«Ты думаешь, что я буду счастлива служить тебе за пост Верховного магистра, — подумала она, глядя на два обугленных отпечатка ступней на каменном полу. От них ещё поднимался лёгкий дымок. — Ты прав, я честолюбива. Но ты ослабишь Лекса, заставишь его растратить силы и средства. А когда вы оба ослабеете, я выйду из тени и заберу всё, что останется».

Она подошла к высокому зеркалу у противоположной стены. Серебряная рама была старой, покрытой патиной, зато стекло оставалось таким же чистым и гладким, как в первый день. Мираэль отражалась в нём во весь рост. За такое зачарование дорого взяли, да она и не поскупилась. Мираэль сняла иллюзию.

Всякий раз, когда Мираэль оставалась одна, она смотрела на своё настоящее лицо. Стоило забыть его, поверить в собственную ложь — и она становилась уязвимой. Для неё это означало смерть.

Стекло отразило лицо полукровки — с заострёнными чертами и болотной мутью в глазах. Уши были короче, чем у чистокровного эльфа — почти человеческие, — а кожа имела тот неуловимый оттенок, который выдавал смешанную кровь. Некрасивое, неправильное лицо. Лицо, которое эльфийская аристократия сочла бы оскорблением. Лицо, за которое её отец-эльф приказал бы утопить в ведре собственную дочь, узнай он о её существовании. Лицо, которое она скрывала всю свою жизнь, с того самого дня, как мать-рабыня прошептала ей на ухо: «Никогда не показывай им, кто ты есть. Никогда. Иначе они убьют тебя».

Мать была права. Они убили бы. Но она выжила — стала сильнее их всех.

В глубине зеркала, за её плечом, что-то шевельнулось. Там проступил другой силуэт — выше, тоньше, с размытыми чертами, словно сотканный из дыма и багрового света. Это был облик женщины, богини, чьё разбитое сердце теперь пульсировало в руке Мираэль.

— Ты видела? — прошептала Мираэль, обращаясь к силуэту. В её голосе прозвучало что-то почти детское — гордость, смешанная с возбуждением. — Похоже, Азур заинтересовался. Он приведёт свою армию, он ударит по Лексу, они сцепятся, как два пса над костью, и пока они будут рвать друг друга, мы будем ждать. Ждать и копить силы.

Силуэт не ответил. Он лишь чуть качнулся; багровая вена на руке Мираэль запульсировала чуть быстрее. Мираэль не знала, соглашалась ли с ней Нергал или уже предвкушала грядущее. А может быть, и то и другое.

Мираэль улыбнулась своему отражению — силуэт в зеркале улыбнулся вместе с ней. В этой двойной улыбке было что-то жуткое, потустороннее.

— Ты научила меня прятаться, Нергал, — прошептала она. — Ты, сама того не зная, была моей наставницей. Все эти годы я наблюдала за тобой, за тем, как ты манипулируешь, как ты скрываешь свои истинные цели, как ты наносишь удар тогда, когда никто не ждёт. Ты была богиней тайн, интриг и иллюзий. Ты была моим образцом для подражания, хотя ты никогда об этом не знала. А теперь ты — часть меня. И я научу тебя тому, чего ты не умела. Я научу тебя править, как и обещала. Потому что ты, при всём своём могуществе, так и не научилась этому — ты полагалась на страх, а страх рассеивается, притупляется. Я же полагаюсь на ум. А ум не подводит.

Она провела пальцем по стеклу, и её отражение исказилось, пошло рябью.

— Или хотя бы мстить, — добавила она почти легкомысленно. — Твой убийца — Лекс. Мой враг — тоже он. У нас общая цель. А когда цель общая, разница между богиней и смертной стирается. Мы с тобой, Нергал, две стороны одной монеты. И мы сами решим, какой стороной она ляжет.

Она снова наложила иллюзию — привычным, отработанным до автоматизма жестом. Черты лица смягчились, уши удлинились, кожа приобрела аристократическую бледность. Из зеркала на неё смотрела Леди Мираэль Тенеплета — глава тайной канцелярии Магистериума, женщина, которую боялись даже члены правящего совета. Женщина, которую никто не видел без маски.

— Вот так-то лучше, — сказала она своему отражению, поправляя причёску. — Красота — это тоже страшное оружие. И я намерена воспользоваться им сполна.

Впереди была долгая ночь. Нужно было отправить кое-кого на базу Лекса — маленькую, незаметную женщину, которая в нужный момент могла сорвать его планы. С оставшимися агентами в Механосе следовало связаться заранее, чтобы подготовить почву для саботажа: пусть Лекс не думает, что город достанется ему легко. Предстояло также укрепить оборону Шпиля — не против Лекса, нет, против того, что пробудилось где-то там на севере. Она понимала: даже если Лекс и Азур уничтожат друг друга, это существо — чем бы оно ни было — уж точно не остановится. К тому времени, когда оно доберётся до Шпиля, ей надо набраться сил, чтобы дать ему отпор. Или, если удастся… воспользоваться им.

Она ещё не решила, что именно.

Мираэль ощутила его присутствие за мгновение до того, как он проявился. Ни шагов, ни скрипа двери — просто воздух в углу кабинета стал чуть плотнее, чуть холоднее, и тени там сгустились так, что, казалось, начали жить своей собственной жизнью. Она не обернулась — она знала, что это он.

Она села в кресло, коснулась осколка, навсегда вплавленного в её плоть, и закрыла глаза. Где-то на севере пробудилось нечто, чему она не находила имени в эльфийских летописях. Его голод она ощущала как собственный. И Мираэль улыбалась в темноте: она всё ещё верила, что сумеет использовать его, чтобы после гибели богов и героев построить свой мир, в котором не будет места ни людям, ни эльфам, ни богам — только ей и тем, кого она сочтёт достойными.

Среди теней, едва различимая, стояла фигура в сером балахоне — не человек, не дух, нечто среднее. Она не шевелилась и не говорила — лишь ждала, как всегда. Человек в Сером — её верный слуга, её вторая тень, её правая рука. Он был здесь с самого начала, с того момента, как она впервые надела маску. Он знал все её секреты — и потому, если она того пожелает, он не уйдёт от неё живым. Но он был очень полезен. А полезные инструменты не выбрасывают.

— Приведи её, — приказала Мираэль, не открывая глаз. — У меня для неё задание. Особое.

— Слушаюсь, госпожа.

Тень исчезла бесшумно, как всегда — просто перестала быть, растворилась в темноте, из которой состояла. Мираэль осталась одна, наедине со своими мыслями и багровым пульсом в запястье, который отсчитывал время до конца всего.

До конца старого мира.

И до начала нового — того, который она создаст сама.

Глава 4. Назревающий бунт

Месяц Нарвион — Халдир, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Несколько дней до восстания; прибытие отряда ночью
База Лекса, Механос — храм Лирны, Нижний город, Гильдия торговцев, площадь, долговая яма

За три дня до того, как Лекс вошёл в Механос, Мать Иллария получила письмо.

Его принёс мальчишка-посыльный — запыхавшийся, перепуганный, с грязным пергаментом в дрожащей руке. Иллария как раз заканчивала утреннюю молитву в маленькой часовне, которую она обустроила в одном из залов базы Лекса. Здесь пахло свечным воском и сушёными травами, а на алтаре, вырезанном из простого камня, стояла чаша с родниковой водой — символ Лирны. Сама Иллария жила на базе с тех пор, как Лекс освободил её из долговой ямы, и за это время успела стать не просто гостьей, а одним из столпов, на которых держался дух сопротивления.

Письмо было от старого друга — настоятеля храма Лирны в Механосе, отца Андрея. Он писал, что умирает, просил приехать до его смерти и упоминал важные сведения, которые не решался доверить бумаге.

Иллария не колебалась ни минуты. Она была верховной жрицей, и её долг перед умирающим собратом был превыше всего. Она собралась за час, попрощалась с Серафимой, оставила наставления своим помощницам и выехала в Механос с небольшим эскортом — тремя сталкерами, которых выделил Клык.

Всю дорогу Иллария думала о письме отца Андрея. Если он действительно был так слаб, как писал, следовало добраться до него как можно скорее. Она не исключала, что Рагнар попытается помешать ей, но не ожидала открытого нападения на жрицу у городских ворот.

Ворота Механоса закрылись за её спиной с глухим, зловещим стуком. Иллария с тревогой оглянулась на тяжёлые дубовые створки, окованные железом. Обратный путь был отрезан.

Их ждали не у храма, а у ворот: десяток наёмников Рагнара с арбалетами наизготовку. Сам Рагнар, в дорогом плаще, стоял, заложив руки за спину. Иллария узнала его привычную улыбку торговца, заключившего выгодную сделку.

— Мать Иллария! — произнёс он с таким радушием, что трудно было ему поверить. — Какая неожиданная радость. А я уж думал, вы совсем забыли о нашем скромном городе.

— Где отец Андрей? — спросила она, не обращая внимания на его тон. Её голос был спокоен, но пальцы, сжимавшие посох, побелели.

— Отец Андрей? Ах да, старик… Боюсь, он… как бы это сказать… отошёл в мир иной ещё за день до того, как мой человек отправил вам письмо. — Рагнар изобразил скорбную мину, больше похожую на оскал. — Весьма прискорбно. Но вы ведь понимаете: все мы смертны. Кроме богов, разумеется. И тех, кто вовремя делает правильный выбор.

— Это ловушка, — прошептал один из сталкеров, выхватывая меч.

— О, несомненно, — сказал Рагнар, кивнув. — Но вам, господа, не обязательно умирать. Сложите оружие, и я гарантирую вам справедливый суд.

— Справедливый суд? — переспросила Иллария. — С тех пор как ты продался эльфам, Рагнар, в этом городе не осталось справедливости.

— Продался? Какое грубое слово. Я предпочитаю «заключил взаимовыгодное соглашение». Азур собирает армию, дорогая моя жрица. Огромную армию. И когда он придёт сюда — а он придёт, — я хочу, чтобы мой город встретил его с распростёртыми объятиями, а не ушёл в глухую оборону. Из города и так ушли сотни людей. Мастерские пустеют, торговля падает, а Лекс предлагает мне воевать с богом. Я не намерен терять ещё и город. Предпочитаю иметь дело с теми, кто способен победить.

— Ты всегда был трусом, Рагнар. В прошлый раз ты просто сбежал и закрыл ворота. Но теперь ты стал ещё и предателем.

— В прошлый раз я был осторожен. А теперь у меня есть договорённость, — поправил он, впервые заговорив жёстко. — Взять их.

Наёмники двинулись вперёд. Сталкеры попытались сопротивляться, но силы были неравны. Первого убили сразу — арбалетный болт пробил ему горло, и он рухнул на мостовую, захлёбываясь кровью. Двое других бросились вперёд, прикрывая Илларию. Один успел зарубить наёмника, прежде чем его самого пронзили тремя клинками сразу. Второй дрался до последнего — даже когда ему отрубили руку, он продолжал биться, пока второй болт не пробил ему грудь.

Иллариюю схватили за руки. Рагнар подошёл к ней вплотную, заглянул в глаза.

— Ты могла бы быть на моей стороне, — сказал он почти ласково. — Ты умная женщина. Ты понимаешь, что Лекс обречён. Почему ты выбрала его?

— Потому что он дал людям надежду. А ты — только страх.

— Надежда не спасёт тебя от ямы, — усмехнулся Рагнар. — Бросьте её в долговую. Пусть подумает о своём выборе. В темноте и холоде.

Иллариюю потащили прочь. Она не кричала, не вырывалась. Она шла, высоко подняв голову, и её губы шептали молитву. Даже стражники отводили глаза, а среди прохожих Иллария узнала людей, чьих детей когда-то лечила. Никто из них не решился вмешаться.

Через час храм Лирны опечатали. Ещё через час по городу поползли слухи: Рагнар объявил Лирну врагом Механоса. Её жриц хватали на улицах, её символы срывали со стен. Город, который когда-то гордился своей свободой, становился тюрьмой.

Лекс узнал об этом на рассвете, когда холод ещё не отступил от камней, а небо над горами только начинало сереть. Он стоял в командном центре, склонившись над картой, когда дверь распахнулась и в комнату ввалился Зиг.

Гоблин выглядел так, словно пробежал без остановки от самого Механоса. Его одежда промокла от пота, дыхание с хрипом вырывалось из груди, а в глазах горела злая, отчаянная решимость.

— Закрыл! — выпалил он, хватая ртом воздух. — Ворота закрыл, гад! Всех, кто за вас, — в яму! Иллариюю тоже!

Лекс медленно выпрямился. Клык, стоявший у стены, перестал точить нож. Шило, дремавший в углу, открыл глаза. Оба повернулись к Зигу.

— Рагнар? — спросил Лекс. Он старался говорить спокойно.

— Он! — Зиг сплюнул на пол. — В прошлый раз сбежал и ворота за собой запер, трус поганый, а теперь окончательно продался эльфам. Заплатили ему, сволочи. И щедро! Я сам видел — ящик в его кабинете, полный кристаллов. Сказал, город нейтральный, а сам уже договорился с ушастыми. Их патрули уже у южных ворот!

Зиг замолчал, переводя дыхание. Потом добавил, уже тише:

— Илларию прямо с дороги взяли. Она ехала к умирающему другу, а попала в лапы к Рагнару. Он её в долговую яму бросил. Люди напуганы. Многие не знают, на чью сторону встать.

— А в городе что говорят? — спросил Клык.

— В городе? — Зиг скривился. — Кто как. Одни хотят драться, другие боятся. Кто-то уже собирает вещи, чтобы бежать в горы. А кто-то шепчет, что, может, Рагнар прав. Может, и правда лучше сдаться эльфам, чем умирать за Лекса.

Клык выругался сквозь зубы. Лекс сжал лежавшую на карте руку в кулак. В прошлый раз он ещё мог надеяться, что Рагнару хватит ума сохранить нейтралитет. Но теперь у южных ворот стояли эльфийские патрули, а в долговой яме сидела Иллария. Ждать больше было нельзя.

— Поднимай отряд, — сказал он Клыку. — Всех. Мы выступаем немедленно.

Через два часа отряд был готов. Они собрались у входа в старый гоблинский туннель — тот самый, что вёл в самое сердце Механоса, в обход всех стен и всех постов. Лекс оглядел своих людей.

Клык с невозмутимым видом проверял метательные ножи, кристаллы-связки и запасной глушитель. На его покрытом шрамами лице ничто не выдавало волнения.

Рядом с ним Шило молча точил меч. От его обычной ухмылки не осталось и следа. Лекс помнил, как мать Иллария выходила его после ранения; теперь Шило предстояло вернуть ей долг.

Грук — вождь орков, огромный, как скала. Его воины, числом около тридцати, стояли за его спиной — молчаливые, угрюмые, сжимающие топоры и дубины. Они не любили подземелья, однако никто не возражал против выбранного пути. Грук лично проверил каждого воина, осмотрел их оружие, дал последние наставления. Лекс видел, с какой серьёзностью Грук относился к подготовке своих людей.

Зиг со своими гоблинами — пятёркой юрких, остроглазых проводников, каждый из которых знал туннели лучше, чем собственную ладонь. Они тихо переговаривались на своём щёлкающем языке, размахивая руками и показывая куда-то в темноту. Зиг лично отвечал за маршрут. Ошибиться здесь означало поставить под удар весь отряд.

Писк — маленький дроид-разведчик, которого Грым отправил с отрядом, — жужжал у плеча Лекса. Его линза вращалась, сканируя проход, и время от времени он издавал короткие, тревожные сигналы. Он был их глазами и ушами в темноте.

И наконец Айрин.

Она вышла проводить его. В тусклом свете у входа её лицо казалось особенно бледным. Живот под платьем был уже заметен, но держалась она прямо, как всегда.

— Ты готова? — спросил Лекс.

— Это мне у тебя спрашивать надо. Механос — только начало. После него — Шпиль, потом — боги. Ты уверен, что хочешь идти этим путём?

— У меня нет выбора.

— Выбор есть всегда. Ты просто выбрал этот.

Он помолчал, потом кивнул.

— Я вернусь. Обещаю.

— Ты всегда возвращаешься. — Она улыбнулась, но в глазах стояли слёзы. — Иди. И пусть Кователь хранит тебя.

Он поцеловал её — коротко, но крепко, — и шагнул в темноту туннеля.

По словам Зига, подземный ход был очень старым. Его прорыли ещё до основания Механоса — то ли гоблины, то ли кто-то похуже. Стены здесь были грубыми, неровными, со следами кирок и когтей, а воздух — спёртым и влажным, пропитанным запахом плесени и ещё чего-то, о чём лучше было не думать. Каменные своды давили сверху, и орки, не любившие замкнутых пространств, чувствовали себя особенно неуютно.

Отряд двигался в полной тишине, нарушаемой только стуком капель и редким шорохом осыпающейся породы. Зиг шёл впереди; его глаза светились в темноте слабым желтоватым светом — природная особенность гоблинов, позволявшая им видеть в кромешной тьме. Он знал каждый поворот, каждый завал, каждую ловушку. Время от времени он останавливался, принюхивался, проводил рукой по стене и только потом давал знак идти дальше.

За ним шёл Грук. Орк пригнулся, чтобы не задеть свод головой, и то и дело ворчал что-то насчёт «крысиных нор». Его воины шли следом, цепочкой, держа оружие наготове. В узком проходе им было трудно даже развернуться с оружием.

Клык и Шило замыкали колонну. Сталкеры двигались бесшумно, привычно оглядываясь по сторонам. Они провели в таких туннелях больше времени, чем хотели бы помнить, и хорошо знали: опасность может прийти откуда угодно. Сверху, снизу, из боковых проходов, о которых даже Зиг мог не знать.

Лекс шёл в середине. Писк жужжал у его плеча, и его сигналы становились всё чаще по мере приближения к городу.

— Обнаружена ловушка, — сообщил Писк, останавливаясь перед грудой камней. Его линза замерцала красным. — Нажимная плита. Активирует обвал. Вес активации — от тридцати килограммов.

— Обойдём, — сказал Зиг, указывая на боковой проход. — Здесь. Узко, но пролезем.

Они свернули. Туннель стал ещё уже, и Груку пришлось протискиваться боком, ругаясь сквозь зубы на своём гортанном языке.

— Когда выберемся, — прорычал он, — я лично сверну шею этому Рагнару.

— В очередь, — отозвался Шило. — У меня там должок. Три серебряных.

— Ты готов убить человека за три серебряных? — хмыкнул Клык.

— Я готов убить человека за то, что он предал нас. Серебро — приятный бонус.

По колонне прокатились приглушённые смешки.

После долгого пути они услышали впереди едва различимый гул большого города.

— Пришли, — прошептал Зиг. — Дальше — тихо.

Они вышли в Нижнем городе глубокой ночью.

Туннель заканчивался в подвале старого склада, заброшенного ещё до войны. Зиг отодвинул ржавую решётку, и отряд выбрался наружу — в лабиринт узких улочек, заваленных мусором и хламом. Здесь пахло гнилью, дымом и сыростью.

Нижний город никогда не был красивым. Но сегодня он выглядел особенно мрачно. Улицы были пусты, окна закрыты ставнями, и только редкие неясные силуэты скользили в темноте, избегая даже лунного света. Где-то вдалеке слышались крики: то ли там шла пьяная драка, то ли случилось что-то похуже. Где-то плакал ребёнок. Где-то лаяла собака и тут же замолкла, словно её заткнули.

Клык поднял руку, приказывая остановиться. Он прислушался: здесь легко было пропустить тихий шорох или шаги патруля.

— Чисто, — сказал он наконец. — Они не ждут нас здесь. Слишком уверены в своих стенах.

— Зря, — сказал Лекс.

Они разделились. Так было решено заранее: Клык и Шило пойдут по знакомым трущобам поднимать верных людей, Грук с орками ударит по Гильдии с фронта, оставив часть воинов прикрывать подходы, а Зиг с гоблинами обеспечит связь и отход. Шило после сбора людей должен был перекрыть пути отхода из Гильдии, в том числе старые водостоки. Лекс оставался в центре, координируя действия через Писка.

— Помните, — сказал он, прежде чем они разошлись, — мы не каратели. Мы освободители. Кто сдастся без боя, того не трогать. А кто будет сопротивляться…

Он не закончил. В этом не было нужды.

Клык и Шило шли от дома к дому, от подвала к подвалу, стуча в двери условным стуком — два быстрых, пауза, три медленных. Двери открывались. Сталкеры, ремесленники, бедняки — все, кто помнил, что такое свобода, и кто не хотел возвращения эльфийского ярма. Они молча выходили с оружием — старым, ржавым, но готовым к бою.

Но не все были рады им. В одном из переулков Клыка остановил старый торговец — седой, сгорбленный, с лицом в глубоких морщинах, напоминавшим кору старого дерева. В его глазах плескался страх, смешанный с обречённостью.

— Вы зря пришли, — прошептал он, озираясь по сторонам, словно боялся, что его подслушают. — Рагнар говорит, Азур скоро будет здесь. Если мы поддержим Лекса, бог войны сожжёт город дотла. Моя дочь… у неё дети. Двое мальчиков. Я не хочу, чтобы они погибли из-за вашей войны.

Клык узнал старика: кажется, видел его на рынке. Тот продавал ткани и всегда давал скидку сталкерам. Не из страха — из уважения.

— Вот выдаст Рагнар твою дочь и внуков эльфам, тогда он как их защитит? — Клык говорил жёстко, но старик слышал, что злобы в его словах нет. — Мы не заставляем тебя брать оружие. Но если хочешь, чтобы у них был шанс, дай нам пройти. Не мешай.

— Ты не понимаешь, — прошептал торговец. — Рагнар обещал защиту. Он сказал, что если мы не будем вмешиваться, он договорится с Азуром. Наш город останется нейтральным. Мы выживем.

— Выживете? — Шило шагнул вперёд; его глаза сузились. — Ты думаешь, эльфы оставят вас в покое? Ты думаешь, им нужны нейтральные города? Они могут превратить вас в рабов, забрать твою дочь, отправить внуков на Кристаллические поля. А ты будешь стоять и смотреть, как они умирают, и говорить себе: «Я сделал это, чтобы выжить».

Торговец отшатнулся, прижался к стене. Его губы дрожали.

— Я не воин, — прошептал он. — Я просто хочу, чтобы всё закончилось.

— Всё закончится, когда мы победим, — сказал Клык. — Или когда умрём. Третьего не дано.

Торговец опустил глаза и медленно отошёл в сторону, освобождая проход. Клык и Шило прошли мимо, и через мгновение старик растворился в темноте, словно его и не было.

Таких разговоров было много. В каждой подворотне, в каждом подвале находились напуганные, уставшие люди, которые хотели просто жить, а не умирать за чужие идеалы. И Клык их не винил. Он сам когда-то был таким — до того, как потерял всё. Но он знал: если они сейчас отступят, то потеряют не только город. Они потеряют себя.

Через час в Нижнем городе собралось ополчение, не обученное строевому бою, но готовое сражаться. Около двух сотен человек — мужчины и женщины, старики и подростки. У кого-то был меч, у кого-то — топор, у кого-то — просто дубина с вбитыми в неё гвоздями. Они были готовы выступить по первому сигналу.

Глава 5. Ночь восстания

Месяц Халдир, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Ночь восстания, следующий день и рассвет после освобождения города
Механос — Гильдия торговцев, долговая яма, площадь, кузницы

Грук не стал ждать сигнала: стража у ворот Гильдии пока ничего не подозревала, и он решил воспользоваться этим.

Он и его орки вышли из переулка, когда луна скрылась за тучами и город погрузился в полную темноту. Здание Гильдии торговцев возвышалось перед ними — массивное, каменное, с узкими окнами-бойницами и тяжёлыми дубовыми воротами. Когда-то здесь решали судьбу торговли всего города; теперь за этими стенами засели люди Рагнара.

У ворот стояла стража — полтора десятка наёмников в лёгких доспехах. Они топтались у жаровни, грея руки, и тихо переговаривались. Они не ожидали атаки.

Грук вышел из темноты первым. Его топор — огромный, двуручный, с лезвием, способным разрубить человека пополам, — сверкнул в свете факелов. Он шёл молча, не подавая боевого клича, чтобы стража заметила его как можно позже.

Наёмники заметили его, когда он был уже в десяти шагах. Кто-то закричал, кто-то выхватил меч, кто-то попытался поднять арбалет. Слишком поздно.

Первый удар — и голова ближайшего стражника покатилась по мостовой, оставляя на камнях кровавый след. Второй удар — и ещё один наёмник рухнул с проломленной грудной клеткой, а его щит разлетелся в щепки. Третий попытался ударить Грука в спину, но орк, не оборачиваясь, ударил локтем назад, и нападавший отлетел к стене, хрустнув костями.

Орки с рёвом вырвались из темноты — два десятка воинов, чьи топоры и дубины быстро смяли строй наёмников. Схватка превратилась в бойню.

Стражники ещё сопротивлялись, а кто-то попытался закрыть ворота изнутри. Орки не дали им сомкнуть строй и прорвались к воротам, оставив на мостовой убитых и раненых наёмников.

Грук лично выбил ворота ударом ноги, прежде чем стражники успели опустить засов. Створки распахнулись с треском, от одной отлетели щепки. Грук первым ворвался во двор.

Во внутреннем дворе их встретили арбалетчики — десяток стрелков, занявших позиции на балконах второго этажа. Первый залп сразил двух орков — болты вошли глубоко, пробив доспехи из толстой кожи. Один из раненых, молодой воин по имени Ургх, рухнул на колени, захлёбываясь кровью, но, даже умирая, он метнул свой топор в стрелявшего, и топор раскроил наёмнику череп.

Второй залп — ещё один орк пал, пронзённый тремя болтами сразу. Грук взревел, увидев павшего воина. Он бросился на стрелков, даже не пытаясь уклоняться. Один болт чиркнул его по плечу, оставив кровавую борозду. Второй вонзился в бедро — глубоко, почти до кости. Стиснув зубы, он добрался до лестницы, поднялся наверх, и через несколько мгновений с балкона посыпались тела. Орк крушил арбалетчиков голыми руками — ломал им шеи, швырял на каменный пол, разбивал головы о стены. Его рёв эхом разносился по всей Гильдии.

— За Ургха! — рявкнул Грук.

Наёмники дрогнули. Они видели, как их товарищи падают один за другим, и понимали: им не победить. Они начали отступать, бросая оружие, умоляя о пощаде. Некоторые падали на колени, закрывая головы руками. Другие просто бежали, не разбирая дороги.

Лекс, наблюдавший за штурмом через Писка, отдал приказ прекратить резню. Грук с трудом перекричал своих воинов и приказал остановиться. Орки подчинились, хоть и ворчали: распоряжение Лекса передал им собственный вождь.

— Двор зачищен, — доложил Писк. — Внутренние помещения: сопротивление минимальное. Обнаружена активность в кабинете главы Гильдии. Вероятно, цель пытается скрыться.

— Шило у выходов, — ответил Лекс.

Рагнар попытался бежать.

Он понял, что игра окончена, как только услышал крики и звон оружия во дворе. Деньги, которыми он удерживал наёмников, теперь не могли остановить штурм. Даже по последним ведомостям Рагнар не знал, кто из вооружённых людей города действительно станет за него драться, а бой уже шёл во дворе Гильдии.

Он бросился в свой кабинет, сорвал со стены ключ от тайного хода, спрятанный за портретом основателя Гильдии, и открыл потайную дверь. За ней был узкий, тёмный коридор, ведущий к старому водостоку. О потайной двери, насколько ему было известно, знали лишь он сам, его предшественник и архитектор. Когда ход был готов, Рагнар отравил архитектора.

Он бежал, спотыкаясь в темноте, прижимая к груди мешок с кристаллами — самыми крупными, самыми ценными, какие только были в его сокровищнице. Он уже представлял, как доберётся до порта, наймёт корабль, уплывёт на юг, в эльфийские земли, где его примут с распростёртыми объятиями. Золота и связей должно было хватить, чтобы начать всё заново.

Оставалось лишь выбраться из города.

У выхода из водостока, прислонившись к сырой стене и лениво поигрывая ножом, дежурил Шило, перекрывавший путь из города. Лунный свет падал на его лицо, и в этом свете его ухмылка казалась особенно зловещей.

— Далеко собрался, торгаш? — спросил он с обманчивым дружелюбием.

Рагнар замер. Мешок выпал из его рук, кристаллы рассыпались по грязному полу, засверкав в лунном свете, пробивавшемся сквозь решётку. Рагнар невольно потянулся за ними.

— Я… я могу заплатить, — пробормотал Рагнар, пятясь. — Много заплатить. Больше, чем ты когда-либо видел. Больше, чем ты можешь представить. Золото, кристаллы, земли — всё, что захочешь! Я сделаю тебя богатым! Самым богатым человеком в Механосе!

Шило шагнул к нему. Его нож всё так же лениво вращался в пальцах — привычный, почти ласковый жест.

— Знаешь, что меня бесит больше всего? — спросил он, и его голос стал тихим, почти доверительным. — Ты продался эльфам, бросил Илларию в яму и до последнего думал, будто

это сойдёт тебе с рук. Вот что меня бесит. Что ты, жалкий торгаш, можешь обмануть людей, которые прошли через ад, и они ничего не заметят.

— Я не… я не хотел…

— Заткнись.

Рагнар заткнулся. Его зубы стучали, как в лихорадке.

Шило сделал ещё шаг. Теперь он стоял вплотную к предателю, Рагнар чувствовал его дыхание и запах пота и стали. Отступать было некуда.

— Ты предал не того человека, — сказал Шило. — И сейчас ты в этом убедишься.

Удар был молниеносным. Кулак Шило врезался в челюсть Рагнара с такой силой, что тот отлетел к стене, ударился головой о камень и сполз на пол, потеряв сознание. Кровь потекла из разбитой губы, смешиваясь с грязью на полу.

Шило посмотрел на него, потом наклонился, подобрал с пола один из кристаллов, повертел в пальцах. Кристалл был чистым, крупным, размером с грецкий орех — такой стоил не три серебряных, а все три золотых, если не больше.

— Будем считать, — сказал он Рагнару, который по-прежнему лежал без чувств, — что ты долг вернул. Все три серебряных. И проценты заодно.

Подобрав рассыпанные кристаллы в мешок, он взвалил Рагнара на плечо — тот был тяжелее, чем выглядел, — и пошёл обратно, насвистывая старую сталкерскую мелодию.

Утро встретило Механос тишиной.

На площади перед Гильдией собрались сталкеры, ремесленники, бедняки из Нижнего города и торговцы из Верхнего. Все ждали суда.

Лекс стоял на возвышении, где обычно зачитывали указы Гильдии. Рядом стояли Клык и Шило. Грук заметно прихрамывал, плечо у него было перевязано, а бедро туго перетянуто повязкой. Тут же был и Зиг со своей неизменной хитрой ухмылкой. И Мать Иллария, которую Лекс лично вывел из долговой ямы всего час назад.

Когда Лекс спустился в яму, ему пришлось подождать, пока глаза привыкнут к темноте. В ней сидели десятки людей, брошенных сюда за поддержку Лекса, — худых, грязных, измученных. Некоторые уже не могли ни стоять, ни дышать без усилия.

Илларию он нашёл в дальнем углу. Она сидела, прислонившись к стене, и её губы шептали молитву — ту самую, которую она читала каждое утро в своей часовне. Даже здесь, в грязи и темноте, она не перестала верить.

Когда Лекс протянул ей руку, она подняла на него глаза. Её лицо было осунувшимся, под глазами залегли тени, но в этих глазах горел тот же огонь, что и всегда.

— Ты вернулся, — прошептала она с таким облегчением, что у Лекса сжалось сердце.

— Я не бросаю своих, — ответил он.

— Я знаю. — Она улыбнулась едва заметно. — Я знала, что ты придёшь.

Он помог ей подняться. Она была слаба — слишком слаба, чтобы идти самой, — и он почти нёс её на руках, поднимаясь по лестнице, ведущей из ямы наверх, к свету. Когда они вышли на поверхность, толпа ахнула. Многие здесь знали её — женщину, которая лечила их детей, которая молилась за их души, которая никогда не отказывала в помощи. Увидев её состояние, люди заговорили наперебой.

Теперь она стояла рядом с Лексом на возвышении, и когда она подняла голову, несколько человек в первом ряду отвели глаза.

Рагнара вывели вперёд. Его руки были связаны за спиной, на лице красовался огромный синяк от удара Шило, а некогда роскошная одежда превратилась в рваньё. Он выглядел жалко. На площади, перед людьми, которых предал, от прежней самоуверенности не осталось и следа.

Толпа загудела. Кто-то крикнул: «Смерть ему!» Кто-то бросил в Рагнара гнилое яблоко — оно попало ему в плечо и разлетелось ошмётками. Кто-то плюнул в его сторону. Торговец, стоявший в первых рядах, — тот самый старик, которого Клык встретил ночью, — молча смот-

рел на Рагнара, и в его глазах была не ненависть, а презрение. Теперь Рагнар стоял перед ним со связанными руками, лишённый привычной власти.

— Рагнар, — начал Лекс, и его голос разнёсся над площадью, отражаясь от каменных стен, — тебя обвиняют в предательстве. Ты закрыл ворота города перед теми, кто защищал его. Ты распорядился заточить людей без суда, а у городских ворот по твоему приказу напали на Илларию и убили троих сопровождавших её сталкеров. Она стоит здесь и может подтвердить это. Ты договорился с эльфами, пока называл город нейтральным. Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Рагнар поднял голову. В его глазах горел страх — животный, липкий, — но он всё ещё пытался сохранить остатки достоинства. Он обвёл взглядом толпу, словно искал хоть одно сочувствующее лицо. Не нашёл.

— Я спасал город! — выкрикнул он, и его голос сорвался на фальцет. — Азур собирает армию! Если бы я не закрыл ворота, он раздавил бы нас! Я думал только о людях! Я думал о вас!

— Ты думал о своей шкуре, — перебил его Лекс. Голос его был спокоен, но в нём звучала сталь. — Ты мог говорить с Азуром, мог спорить со мной. Но ты убивал тех, кто был с тобой не согласен, и бросал их в яму. Спроси Илларию, за что ты заточил её. Спроси людей, которых мы оттуда вывели.

Он сделал паузу. Площадь стихла; Рагнар судорожно втягивал воздух, и это слышали стоявшие рядом.

— В прошлый раз ты просто сбежал, — продолжил Лекс. — Закрыл ворота и надеялся, что мы не вернёмся. Но мы вернулись. За то, что ты сделал с этими людьми, я приговариваю тебя к смерти.

Он кивнул Клыку. Тот шагнул вперёд, выхватил нож — свой любимый, с узким лезвием и костяной рукоятью, — и одним точным движением перерезал верёвки на запястьях Рагнара.

Тот непонимающе уставился на свои руки. Толпа замерла.

— Ты умрёшь быстро, — сказал Лекс. — Мучить тебя никто не будет.

Клык развернул Рагнара лицом к толпе. Тот стоял, ничего не понимая, трясясь от страха. Его губы шевелились, но он не мог произнести ни слова.

— На колени, — приказал Клык.

Рагнар не двинулся. Тогда Грук, стоявший рядом, одним движением своей широкой ладони толкнул его в спину, и предатель рухнул на колени, ударившись о камни так, что хрустнули коленные чашечки. Он вскрикнул от боли.

Лекс подошёл к нему, встал рядом. Толпа затаила дыхание.

— Смотри на них, — сказал Лекс, указывая на людей. — Смотри на тех, кого ты предал. Запомни их лица. Потому что это — последнее, что ты увидишь.

Рагнар всхлипнул. Он хотел что-то сказать — может быть, попросить прощения, может быть, проклясть, — но из горла вырвался только сдавленный хрип. Его глаза бегали по толпе, ища хоть каплю сочувствия. Но никто не выступил в его защиту.

Клык убрал нож, которым перерезал верёвки, и взял приготовленный для казни палаческий меч. Он поднял тяжёлый клинок над головой; широкое лезвие сверкнуло в утреннем свете, поймав луч восходящего солнца.

— Нет! — закричал Рагнар. — Пожалуйста! Я…

Меч опустился. Крик оборвался.

Голова Рагнара упала на камни и покатилась, оставляя за собой кровавый след. Тело рухнуло следом, дёрнулось раз, другой — и затихло.

Толпа молчала, осмысливая случившееся. А потом кто-то — старый сталкер с седой бородой и шрамами на лице — поднял кулак и крикнул:

— Свобода!

И толпа взорвалась. Крики, слёзы, смех — всё смешалось в единый гул, который разнёсся по площади. Люди обнимались, плакали, кричали. Свобода. Это слово, которое они шептали в подвалах и на шахтах, теперь звучало в полный голос.

Но не все кричали.

В задних рядах, у стены, стояла группа горожан — ремесленники, лавочники, несколько женщин с детьми. Они следили за казнью в испуганном молчании.

— Это не свобода, — прошептала одна из женщин, прижимая к себе ребёнка. — Это новая война. Он убил его. Просто взял и убил.

— Тише, — оборвал её муж. — Они победили. Теперь они тут всем заправляют. Помалкивай, не надо им на глаза попадаться.

Женщина замолчала, но продолжала смотреть на Лекса с немым укором. Ребёнок прижался к ней, и женщина крепче обняла его.

Среди ликующей толпы Лекс заметил её взгляд: на её лице не было и тени радости. Лексу стало не по себе. Он хотел подойти к ней, сказать что-то, объяснить. Но что он мог сказать? Что смерть Рагнара была необходимой? Что это было правосудие, а не убийство? Она бы не поняла. И он её не винил.

Мать Иллария, заметив его колебания, положила руку ему на плечо.

— Не все поймут, — тихо сказала она. — Не все примут. Но ты сделал то, что должен был. Только смерть Рагнара сама по себе доверия не вернёт. Теперь у них хотя бы есть шанс.

— Шанс на что? — спросил Лекс, не отрывая взгляда от женщины с ребёнком.

— Выбрать тех, кому доверят город, и жить без страха. Только люди должны сами убедиться, что им позволено выбирать.

Лекс кивнул. Потом повернулся к толпе и поднял руку. Крики стихли.

— С сегодняшнего дня Механос — свободный город, — сказал он. — Здесь не будет ни эльфийских наместников, ни продажных торгашей, ни чужих законов. Вы сами будете решать свою судьбу. Через Совет, который вы выберете. Сами.

Толпа снова взорвалась криками. Но на этот раз Лекс не слушал. Он смотрел на женщину с ребёнком. И видел, как она медленно, нерешительно, но всё же поднимает руку вместе со всеми.

К вечеру Механос начал оживать.

Клык и Шило взяли на себя организацию обороны. Они расставили посты, укрепили ворота — те, что остались после штурма, — распределили боеприпасы. Сталкеры, знавшие город как свои пять пальцев, стали его глазами и ушами. Клык лично обошёл посты у ворот, проверил каждую позицию, дал последние указания. Он знал: эльфы вернутся. И когда они вернутся, город должен быть готов.

Грук, всё ещё прихрамывая, распределил своих орков по городским патрулям. Горожане сторонились рослых вооружённых воинов. Лекс предупредил, что мародёрство и насилие будут караться. Когда один из орков попытался ограбить лавку, Грук лично свернул ему шею. После этого никто из его людей не отваживался повторить подобное.

Мать Иллария занялась лазаретом. Раненых было много — и среди горожан, и среди нападавших. Несмотря на собственную слабость, она принимала раненых с обеих сторон, потому что для Лирны не было своих и чужих. Её храм, разорённый Рагнаром, снова открыл двери. И люди потянулись туда — за помощью, за советом, за надеждой.

Лекс стоял на балконе Гильдии и смотрел на город. Заходящее солнце окрашивало крыши в золотой цвет, и в этом свете Механос казался почти красивым. Почти мирным.

Рядом с ним стояла Мать Иллария. Она тоже смотрела на город, и в её глазах отражалось закатное небо.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь — война, — ответил Лекс. — Настоящая война. Не с торгашами и предателями. С богами. С Пустотой. Со всем, что пытается уничтожить этот мир.

— Ты боишься?

— До ужаса.

Иллария ответила не сразу.

— Бояться — ещё не значит быть слабым, Лекс. Вот если бы от страха ты руки опустил… А ты делаешь всё, что можешь. Всегда делаешь.

Он не ответил. Глядя на город, он думал о предстоящем походе на Стальной Шпиль, о войне с богами и об угрозе на севере, о которой они знали слишком мало.

Но сегодня они победили. И ради этого стоило жить.

Ночью, когда город уснул, Лекс спустился в кузницу. Здесь было жарко, дымно и шумно — у первого горна уже стучал молот, а Кор-Дум руководил работой, бережно придерживая раненую руку на перевязи.

— Склады Гильдии нам открыли, — сказал он, не отрываясь от работы. — Металла много. Кристаллов — ещё больше. Рагнар, чтоб ему в Бездне гнить, запасы делал на случай осады. Не помогло. Через неделю у тебя будет первая партия глушителей. А через две — импульсные винтовки.

— У нас нет двух недель, — ответил Лекс.

— Когда это у нас время было? Делаем что можем. — Кор-Дум наконец поднял голову и посмотрел на Лекса. — Ты сделал хорошее дело сегодня, парень. Не каждый смог бы взять город за одну ночь и вытащить Илларию живой.

— Это не я. Это они. — Лекс кивнул в сторону двери, за которой спали его люди. — Клык, Шило, Грук, Зиг. Даже Писк. Без них ничего бы не вышло.

Кор-Дум хмыкнул.

— Знаешь, что отличает хорошего командира от плохого? У плохого всё «я да я». А хороший помнит: «Это они сделали». Ты — хороший командир, Лекс. Не забывай об этом.

Лекс не ответил. Он просто стоял и смотрел, как молоты опускаются на раскалённый металл, высекая снопы искр. От этой работы зависело, с каким оружием отряд придёт к Стальному Шпилю.

Лекс хотел выступить на Стальной Шпиль как можно скорее, но без нового оружия отправлять людей было слишком рискованно.

Сегодня, впрочем, люди могли праздновать победу.

На рассвете Лекс стоял у ворот Механоса. Город за его спиной просыпался, после пережитой ночи возвращаясь к обычной жизни. Люди выходили на улицы, открывали лавки, здоровались друг с другом. Жизнь продолжалась.

К нему подошёл Клык. Он выглядел уставшим, но довольным.

— Разведка доложила: эльфы отступили. Они не ожидали, что мы так быстро возьмём город.

— Они вернутся.

— Конечно, вернутся. Но теперь у нас есть стены. И есть люди. Много людей. Рагнар думал, что запугал их, но он ошибся. Сегодня ночью к нам присоединились ещё три сотни добровольцев.

Лекс кивнул и повернулся к Клыку.

— Хорошо ты сработал. И ребята твои тоже, все до одного.

— Это наша работа. — Клык пожал плечами. — Мы сталкеры. Мы выживаем.

— Вы — не просто сталкеры. Вы — мои друзья.

Клык не ответил. Он просто хлопнул Лекса по плечу и пошёл обратно в город.

Лекс остался один. Он смотрел на дорогу, уходящую в горы, и думал о том, что ждёт их впереди. До Шпиля ещё предстояло добраться, но теперь у него были кузницы Механоса, укрепления и люди, готовые сражаться.

И он знал, что делать дальше.

Глава 6. Кузницы не спят

Месяц Халдир — Дурин, 2002 год Эры Синода / 802 год Торговой Эры
Со дня казни Рагнара; последующие дни работы в кузницах
Механос — кузнечные цеха

Кор-Дум прибыл в Механос в день казни Рагнара.

Он въехал в город на старой телеге, запряжённой парой низкорослых горных пони. Те недовольно фыркали и опасливо косили глазами на суетящихся вокруг людей. Рядом с ним сидел Грым, а в повозке, укрытые промасленной тканью, лежали драгоценные для дворфа вещи: инструменты (молоты, клещи, зубила и свёрла), несколько заготовок для будущих глушителей и, самое ценное, несколько небольших слитков звёздного железа размером с кулак.

Кор-Дум не стал ждать, пока кто-то его встретит. Он спрыгнул с телеги, поморщился от боли в плече — рана, полученная в последнем сражении, давала о себе знать при каждом резком движении, — огляделся и направился прямиком к зданию бывшей Гильдии торговцев. Вернее, к тому, что находилось под ним, — к старым дворфийским кузницам, вырубленным в скальной породе ещё до того, как Механос стал городом людей. Прежняя Гильдия использовала эти кузницы исключительно для собственных нужд.

— Эй, старый! — окликнул его Клык, стоявший у входа в Гильдию. — Ты бы хоть отдохнул с дороги. Выпил бы эля, закусил. У нас теперь есть нормальный эль, не то что гоблины в убежище поставляют.

Пока они переговаривались, Писк подбежал к Грыму, радостно попискивая и мигая единственным зелёным глазом.

— Эль подождёт, — отрезал Кор-Дум. — Где кузницы?

Клык молча указал вниз. Кор-Дум кивнул и, не говоря больше ни слова, скрылся в тёмном проёме лестницы, ведущей в подземелье.

Грым, взвалив на плечо ящик с инструментами, последовал за ним. Писк включил подсветку, и его луч заметался по стенам, выхватывая из темноты грубую каменную кладку и следы копоти на потолке.

Кузницы Гильдии оказались такими, какими их представлял Кор-Дум, — старыми, но довольно крепкими. Четыре больших горна, сложенные из огнеупорного камня ещё при его

дедах; массивные наковальни, потемневшие от долгих лет службы, но всё ещё способные выдержать удар самого тяжёлого молота; система водяного охлаждения, питавшаяся от подземного источника — вода текла по желобам, высеченным в камне, и стекала в бассейн для закалки металла. Вдоль стен стояли стеллажи, пока ещё пустые, но готовые принять сотни новых заготовок.

Кор-Дум остановился в центре зала и глубоко вдохнул. Воздух здесь был какой-то странный — холодный, влажный, пахнущий старым камнем и ржавчиной. Но под этими запахами, почти незаметный, таился другой — запах угля и металла, который никогда не выветривается до конца из хорошей кузницы. К этому запаху Кор-Дум привык с детства.

— Сойдёт, — сказал Кор-Дум, оглядев помещение. — Даже лучше, чем я думал. Рагнар, при всей своей гнилой душонке, знал толк в хороших кузницах. Видно, что не сам стоял у наковальни.

— Тут, говорят, ещё при Империи работали, — заметил Грым. — Дворфы из клана Глубинных Странников заложили. Потом люди переняли.

— Тем лучше, сынок. Камень помнит молот. — Кор-Дум подошёл к ближайшему горну, провёл рукой по холодным камням, счищая с них вековую пыль. — Разжигай. Пора снова разбудить этих зверей.

Работа началась с трудностей: старые горны не желали разгораться.

К вечеру Кор-Дум с Грымом всё ещё возились с первым.

Уголь отсырел, а тяга оказалась слабой. Кор-Дум уже начал ворчать про тех, кто оставил уголь сыреть, когда вмешался Грым. Он вспомнил, чему учил его отец, и переложил уголь по-другому — не горкой, а кольцом, оставляя в центре место для воздуха. Через несколько минут пламя вспыхнуло, загудело, заплясало на камнях очага.

Кор-Дум смотрел на огонь и молчал. Огонь был живым. Он дышал, шевелился, перетекал с угля на уголь. В его рыжих всполохах старый дворф видел лица — тех, кто ушёл, и тех, кто ещё остался.

— Учишься, — сказал он наконец, почти с гордостью. — Я-то торопился, а ты сделал как надо. Глядишь, к сотне лет и мастером станешь.

— Я уже мастер, — проворчал Грым.

— Ковать умеешь — это ещё не значит, что мастер. Своё дело другим передать, научить их — вот что надо уметь. А до этого тебе, сынок, ещё расти и расти.

Грым не ответил. Он взял молот, взвесил в руке, примерился и обрушил его на раскалённую заготовку. Удар. Ещё удар. Искры брызнули во все стороны — золотые, оранжевые, белые, — застучали по каменному полу, зашипели, попадая в воду. В воздухе разлился запах калёного железа — резкий, но приятный, как запах грозы после долгой засухи.

К утру следующего дня в кузнице работали уже четверо. К Кор-Думу и Грыму присоединились Торгрим и Олаф — двое молодых дворфов, бывшие ученики Бруна. Они появились на пороге кузницы ещё затемно, с заспанными лицами и дорожными мешками за плечами. Узнав, что старый Кор-Дум ищет мастеров, они не раздумывали ни минуты, собрали инструмент и пешком проделали путь до Механоса.

Торгрим — широкоплечий, кряжистый парень с рыжей бородой, в которую он обычно вплетал мелкие металлические кольца. Каждое кольцо означало завершённый шедевр. Олаф, напротив, был худощав и жилист, с длинными, цепкими пальцами — идеальными для тонкой работы. Они были двоюродными братьями и с детства привыкли работать вместе, понимая друг друга без слов.

— Старый Брун говорил, что вы тут решили перековать мир, — сказал Торгрим, раздувая второй горн. — Ну, мы и подумали — вдруг пригодимся.

— Пригодитесь, — сказал Кор-Дум и кивнул. — Если не сломаетесь в первую же смену.

К полудню в кузнице появилась ещё одна мастерица — молодая женщина-дворф, дочь того самого Бруна, старого кузнеца, погибшего в одной из битв. Она была невысокой, коренастой, с мозолистыми руками и упрямым взглядом. Кор-Дум внимательно оглядел новоприбывшую.

— Ты с отцом у горна работала? — спросил он.

— С пяти лет работала, — ответила она, с вызовом глядя ему прямо в глаза. — Он сам меня учил. Я могу ковать не хуже любого из вас. А может, и получше.

Кор-Дум молча пожевал губами, потом всё же кивнул.

— Как звать-то тебя, дочка Бруна?

— Бруна.

— Бруна? — Кор-Дум приподнял бровь. — В честь отца, что ли?

— Он хотел сына, но родилась я. И решил, что имя менять не будет. Сказал: «Брун — хорошее имя. Подойдёт и дочери».

Кор-Дум хмыкнул, и в его глазах на мгновение мелькнуло уважение.

— Старый Брун всегда был тем ещё упрямцем. Докажи делом, что не зря носишь его имя.

И она доказала. Через час, глядя на то, как она обрабатывает заготовку для глушителя, Кор-Дум убедился: Брун научил дочь всему, что знал и умел сам. Её движения были точными, экономными, без суеты. Молот в её руке не дрожал, а удары ложились ровно, один к одному, именно туда, куда нужно. С тем особым ритмом, который бывает только у прирождённых кузнецов.

— Твой отец был хорошим кузнецом, — сказал Кор-Дум. — И, похоже, таким же хорошим учителем.

Бруна ничего не ответила. Только следующий удар её молота оказался чуть сильнее обычного, и звон наковальни перекрыл голоса остальных мастеров.

К вечеру второго дня в кузнице работали уже двенадцать человек. Дворфы и люди, мужчины и женщины, опытные мастера и зелёные подмастерья. Работал с ними и Дрог. Когда-то он помогал Бруну, а после того, как Брун погиб, и сам стал подмастерьем. Ему едва исполнилось четырнадцать, но он уже умел раздувать горн, поддерживать нужную температуру и даже выковывать простые гвозди. Кор-Дум, глядя на него, ворчал что-то про «сопляков, которые путаются под ногами», но сам же одним из первых показывал ему, как правильно держать молот.

— Не сжимай так сильно, — говорил он, поправляя пальцы мальчика на рукояти. — Да не борись ты с молотом. Он ведь продолжение твоей руки. Твоё дело — направлять удар. Понял?

— Понял, — отвечал Дрог, и его глаза горели тем же огнём, что и горн.

В кузницах Механоса опять закипела работа. Пожалуй, с самого основания города такого здесь ещё не бывало. Мастера сменяли друг друга, и днём и ночью стучали молоты, гремели наковальни, шипел раскалённый металл, когда его опускали в воду. Над городскими стенами поднимался чёрный дым из кузнечных труб. Воздух в кузнице стал плотным и горячим, пропитался тысячами запахов. Здесь смешивались едкий дым от угля, кисловатый запах окалины, сладковатый — разогретого масла для закалки, а надо всем стоял тяжёлый, железный дух раскалённого металла, от которого першило в горле и слезились глаза.

Лекс пришёл на третий день, уже после казни Рагнара. Он вошёл в кузницу, когда Кор-Дум как раз закалял первую партию металлических деталей для глушителей, и молча протянул ему свёрнутый в трубку чертёж.

— Что это? — спросил Кор-Дум, разворачивая бумагу.

— Доработанные и улучшенные «Крохи», — ответил Лекс. — Миномёты для навесной стрельбы. Короткая труба на массивной плите, стреляет облегчёнными взрывпакетами. Расчёт состоит из трёх человек, зато миномёты могут накрывать цели за укрытиями. Но теперь нужны одинаковые детали, чтобы их могли делать в нескольких кузницах. Ты сам должен помнить

хотя бы те же «Гром-палки». Делали мы их в таких условиях, что вообще удивительно, как сами не поубивались при обороне.

Кор-Дум вчитался в чертёж, удивлённо приподнял бровь и присвистнул.

— Это ты сам придумал?

— Не всё. Архитектор помог со сложными расчётами. А то в уме такое не больно-то просчитаешь.

— Архитектор, значит… — Кор-Дум покачал головой. — Вот уж не думал, что доживу до того дня, когда буду работать по чертежам Искусственного Интеллекта Древних. Эх, ещё больше работать придётся. Ну да ладно, кому ещё с металлом работать, как не нам? Сделаем.

Он передал чертёж Грыму. Тот пробежал его глазами, прикинул что-то в уме и кивнул.

— Трудно будет, но сделать можно. На ствол нужна хорошая сталь, да ещё кристаллы для детонаторов придётся достать.

— Сталь я дам, — сказал Кор-Дум. — Кристаллы — это к Зигу. У него после разгрома Гильдии наверняка остались запасы.

— Уж у этого прохвоста всегда есть запасы, — хмыкнул Лекс. — Запасливый он.

Через несколько дней к «Крохам» добавились доработанные «Гром-палки» — переносные пушки, стреляющие взрывными снарядами. Их конструкция была сложнее, требовала точной подгонки деталей и тщательной балансировки. Грым провёл над ними несколько бессонных ночей, перебирая чертежи и споря с Архитектором через Писка. В итоге получилась метровая труба из толстой стали на деревянной треноге, способная метнуть снаряд на сотни метров. Точность хоть и улучшилась, но всё равно оставляла желать лучшего, зато мощность стала просто огромной.

Затем пошли усиленные глушители. Их конструкция была уже отработана — Лекс создал прототип ещё несколько месяцев назад, — но теперь требовалось массовое производство. Каждый глушитель состоял из трёх кристаллов, заключённых в медную оплётку, и создавал «мёртвую зону» радиусом до пятидесяти метров. В пределах этой зоны устройство подавляло магию, пока контур выдерживал нагрузку: по расчётам — пять-десять минут, но предельный радиус ещё следовало подтвердить испытаниями. Для эльфийских магов это было пострашнее любого оружия.

Больше всего хлопот доставили импульсные винтовки. Их конструкция была очень сложна, требовала редких материалов и предельной точности изготовления. Первые три образца, собранные Грымом лично, работали с перебоями — то перегревались, то недодавали мощности, то вовсе отказывались стрелять. После четвёртой неудачной попытки Грым в сердцах швырнул винтовку на верстак и ушёл, хлопнув дверью. Писк, жужжа, пополз за ним.

Кор-Дум нашёл его через час на заднем дворе. Грым сидел на перевёрнутом ящике и безучастно смотрел в небо.

— Не получается? — спросил Кор-Дум, садясь рядом.

— Не получается, — буркнул Грым. — Всё делаю по чертежам, а она не стреляет. Может, Архитектор ошибся? Может, эти винтовки вообще невозможно сделать без магии?

— Чертёж ещё не винтовка. Архитектор не видит заготовку, с которой ты работаешь. А магия тут ни при чём. — Кор-Дум помолчал. — Твой учитель делал их без магии.

— Лекс? — Грым поднял голову.

— Лекс. Ему ведь не понадобилось заклинание. Но он сделал винтовку, которая пробивает эльфийские доспехи насквозь. Просто потому, что понимает, как она работает. Не по чертежам — вот здесь. — Кор-Дум постучал себя по лбу. — Ты тоже должен понять. Не скопировать — понять.

Грым долго молчал, затем поднялся и вернулся в кузницу. Через два дня он принёс Лексу готовую винтовку. На испытании та выстрелила с первого раза.

— Я понял, — коротко ответил Грым без тени гордости, но с удовлетворением.

Патроны из звёздного железа делали вручную; каждый был на вес золота, а может, и дороже. Металла, добытого Лексом в Гнезде, оставалось немного — несколько слитков размером с кулак, которые Кор-Дум хранил в отдельном ящике под замком. Из оставшегося для патронов металла можно было сделать ещё около трёх десятков пуль, и каждый выстрел должен был быть оправдан.

— Это не для обычного боя, — сказал Лекс, вертя в пальцах готовый патрон. — Это для аватаров. И для тех, кого не берёт обычная сталь.

— И для Пожирателя, — тихо добавила Эринния, стоявшая у двери.

Лекс не ответил. Он просто положил патрон обратно в ящик и аккуратно закрыл крышку.

Ночные смены были самыми тяжёлыми. К полуночи жара становилась почти невыносимой — пот заливал глаза, одежда прилипала к телу, а воздух делался таким спёртым, что каждый вдох давался с трудом. Мышцы гудели от усталости, в ушах стоял непрерывный звон, и даже у опытных мастеров начинали дрожать руки. За стенами кузницы засыпал город.

Кор-Дум, работавший у горна третью ночь подряд, вдруг запел.

Это была старая дворфийская трудовая песня — о кузнецах, которые куют судьбу мира на наковальне богов. Её пели ещё его прадеды в Стальгорне, когда выковывали первые рунические клинки. Голос у Кор-Дума был далеко не мелодичным — скорее, хриплым и низким, как скрежет камня о камень, — но в нём чувствовались особенная сила и уверенность, веками передававшиеся от отца к сыну.

— Бей, молот, бей, куй, рука, — Чтоб сталь звенела, как река. — Чтоб клинок был острым, как зима, — Чтоб не сломала вражеская тьма!

Грым подхватил почти сразу. Его голос, более молодой и чистый, вплёлся в отцовский, как нить серебра вплетается в грубую сталь. Торгрим и Олаф, не сговариваясь, начали отбивать ритм молотами — удар, пауза, удар. Тяжёлый, размеренный, как биение сердца горы. Дрог, который до этого клевал носом у горна, встрепенулся и начал подпевать, путая слова, но стараясь изо всех сил.

Бруна не пела. Она молча работала, но её молот стучал в такт песне, и в этом стуке было больше музыки, чем в ином хоре.

А потом кто-то из людей — один из бывших рабов, работавших у горна, — затянул другую песню — такую же старую, ингрийскую, которую когда-то пел Зураб. Начал он тихо, неуверенно, словно боясь, что его прервут. Но его не прервали. Один за другим люди подхватывали мелодию, и вот уже вся кузница пела на два голоса — дворфы свою, тяжёлую и ритмичную, а люди свою, протяжную и горькую.

— Кузнец своего счастья куёт его сам, — Даже если молот тяжёл, — Даже если огонь не горит, — Даже если весь мир против — он идёт напролом. — Он куёт свою волю в огне, — Он куёт свою правду в металле, — Пока его молот стучит, — Его дух не сломать, не убить, не предать.

Две песни, два народа, две судьбы — сплетённые воедино в дыму и пламени кузницы.

А потом песня внезапно оборвалась.

Все замолчали разом, вспомнив Зураба — кузнеца, который потерял всё, но продолжал сражаться до конца. Кузнеца, который погиб, прикрывая друга. Кузнеца, чья кукла теперь жила у Лады, а молот — в руках его учеников. Кузнеца, который так и не увидел, как его народ снова стал свободным.

Тишина длилась недолго. Кор-Дум поднял молот и обрушил его на наковальню с такой силой, что звон разнёсся по всей кузнице, отразился от каменных стен и ушёл куда-то вглубь скалы, на которой стоял Механос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.